

АНАСТАСИЯ
ЕВЛАХОВА

ПАМ'ЯТЯ ДЛЯ ДЖИЧНА

ПОЛІВНЬ
ИДЕАЛЬНЕСТВО

Анастасия Евлахова

Лампа для Джинна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42355563

Лампа для Джинна: SelfPub;

ISBN 978-5-907124-76-9

Аннотация

Владиславу многое не устраивает в жизни: ее полное имя, проживание с родителями, всего одна подруга и даже окрас kota. Она считает, что проблемы исчезнут с поступлением в университет на вокальное искусство. Для исполнения всех заветных желаний она скачивает на телефон приложение – «Джинн». И с того момента реальность начинает разваливаться на части. Сообщения с угрозами. Жуткие видения. Исчезновение родных. И... невидимый преследователь, который знает каждый ее шаг. Девушке придется взять ответственность за свою жизнь. И самое главное – сохранить ее.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	59
Глава 5	67
Глава 6	81
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Анастасия Евлахова

Лампа для Джинна

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Полынь».

* В тексте настоящей книги упоминаются социальные сети Facebook, Instagram и WhatsApp, принадлежащие Meta Platforms Inc. (в 2022 г. в России признана экстремистской и внесена в перечень организаций, причастных к терроризму и экстремизму). Данное уведомление относится ко всем упоминаниям продуктов компании Meta Platforms Inc.

© Евлахова А. Н., текст, 2024

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2024

Глава 1

Костюм

Голоса на грани сна и яви она впервые услышала именно в тот вечер.

Голосов было два, и оба – женские. Один – плотный, густой, басистый, и, если бы вдруг спросили, какого он цвета, Вовка бы запросто ответила: темно-фиолетового, баклажанного. Второй был тонкий и очень юный, не женский даже, а девичий, желто-золотистый.

О чем эти двое говорили, Вовка запомнить не смогла. Когда засыпала, казалось, будто о чем-то невозможно важном, а когда проснулась, от слов остались одни только оболочки. Отсветы голосов: фиолетовый и желтый.

Ко снам Вовка относилась скептически. Ну привиделось. Ну прислышалось. Всякое бывает. Но эти голоса вспомнились так по-настоящему, что хоть рукой трогай. Будто и правда в квартиру влезли две дамочки – тяжелая, как пузатая гиря, и тонюсенькая, как струнка – и зачем-то переругивались прямо у Вовки над ухом.

Это была не единственная странность. С тех пор как Вовка установила то злосчастное приложение, все пошло наперекосяк. Но разве можно винить какую-то глупую программу в том, что, например, отключили электричество?

Когда свет потух, вся квартира стала каким-то чужим, непонятным лабиринтом, в котором может случиться что угодно. Вот откуда в коридоре, на полке для шапок, банки с вареньем? Да еще и с клубничным (это Вовка выяснила, когда растирала по паркету красные осколки), а у родителей на даче отродясь не водилось клубники. Или Яшка, например: только что ныкался под ванной, сверкал цветными глазищами из-за тазиков, и вот он уже в кухне, на хлебнице, ждет своего любимого бородинского, будто из портала вышел. Но Яшка – кот, а с котами всегда какая-то чертовщина. Хорошо, а что насчет папиного костюма для конференции? Маячил себе в родительской спальне, свесившись на плечиках с люстры, а Вовка точно знала: не мог папа его забыть. Ну никак не мог!

Они с мамой уехали в пятницу. Опять на конференцию, в какой-то там Энск – точное название Вовка никак не могла запомнить. Вернуться обещали к вечеру воскресенья.

– Смотри, не разгрои квартиру, – пригрозил папа и зачем-то лихо подмигнул: – Ух!

Что там за «ух» имел в виду папа, Вовка не поняла, потому что никакому «ух» после маминых наставлений шансов все равно никогда не оставалось.

– Обязательно ешь курицу. Вот тут – овощи, макароны, картошка.

Мама вытаскивала один за другим контейнеры.

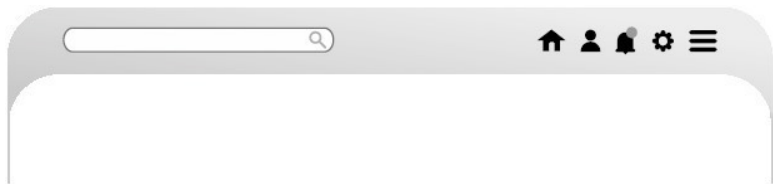
Вовке хотелось поспорить, что чисто технически картош-

ка – тоже овощ, но по маминому виду было ясно: шутить она не расположена. Впрочем, как и обычно. Если шутить – это с папой.

– Буйных гостей не води, – бросила мама, – не забудь про урок в субботу, тренируйся, чипсы-сухарики не покупай – я все по карточке вижу. Ну давай, дочь, отдыхай.

Чмокнула Вовку мимо щеки, куда-то в ухо, встряхнула чехол с костюмом и убежала вслед за папой.

Стоило двери закрыться, как Вовка занялась важным: своим онлайн-дневничком.

вот бы поскорее поступить. жуть как хочется переехать. хоть в общежитие, хоть куда. можно и квартиру с кем-нибудь снять, только бы найти адекватных девчонок. получится ли? страшно. не умею я заводить друзей. или умею, просто давно не пыталась?.. не знаю... еще и работу по вечерам найти придется. но иначе – никакой квартиры. а я очень хочу жить отдельно. нет больше сил с родителями. как маленькая. то нельзя, это нельзя... а мне в сентябре уже восемнадцать. хоть бы в паспорт посмотрели, что ли... и что это такое вообще – не комната, а проходной двор!

надоело диван раскладывать.

хочу самостоятельную жизнь. настоящую взрослую жизнь.

Вовка и вправду спала не слишком удобно: на старенькой тахте в комнате, которую родители то величали залом, то звали просто-напросто гостиной. Вот и Вовке казалось, что даже у себя дома она – гостья. Постель утром следовало сложить в диванный ящик, и если бы не рабочий стол, заваленный учебниками и нотами, да лаковый «Красный октябрь», под клавиатурой которого Вовка в детстве царапала каракули, то можно было бы и не разобрать, что здесь вообще кто-то живет.

ничего, скоро уже. опять разнылась, – отписалась в комментариях volnushka00, Вовкина лучшая подруга. По документам она была Олей, но предпочитала называться Лёлей.

И что, ты только в один универ подаешься? Не страшно?) А вдруг не поступишь?)) – написал какой-то неизвестный booben_кпорр (и что за ник-то такой?), на что Вовка раздраженно ответила:

поступлю. я точно знаю.

Так же говорила и Марьяна Леопольдовна: «Со мной – поступишь».

Именно поэтому Вовка и ходила к ней по субботам – готовилась к вступительному по вокалу. Не довериться властной старушке из приемной комиссии было невозможно.

В конце концов, баллы ЕГЭ у Вовки были приличные. И очень даже: пока что она расположилась в самой верхушке списка, и дело теперь оставалось за малым – «творческим экзаменом». За этим жутким вступительным по вокалу.

Удачи тебе, все у тебя будет! – написал какой-то mcgrjk.

Другой неизвестный по имени cookiesh добавил:

Ха, восемнадцать. Думаешь, в восемнадцать все сразу по-взрослому станет? Шла бы лучше учебники читать, а то все тут больно взрослые, а в голове – сквозняк.

На комментарий Кукиша Вовка обиделась. Поступала она на вокальное, и учебники ей требовались куда меньше, чем плотный, хорошо поставленный голос. Но не будешь же объяснять это непонятно кому. Начнется ведь: ха, еще одна певичка, мечтай-мечтай!

А Вовка не то чтобы и мечтала. С самого детства ей твердили, что у нее красивый тембр, вот как-то само и вышло, что не петь не получилось. Удавалось неплохо – даже суровая Марьяна Леопольдовна нет-нет да роняла скупую похвалу: «Хорошо».

У Марьяны Леопольдовны и до «удовлетворительно» было как до звезд и обратно.

Нравилось ей петь или нет, Вовка не знала. Вот в чем она была уверена, так это в том, что мечтает съехать. *Свалить.*

Наконец-то *слиться*, как она иногда называла это в дневнике.

Потому и выходные без родителей казались ей подарком выше всяких чаяний. Целая квартира – и для нее одной!

Но после установки того дурацкого приложения все стало не так.

Какой-то *mad_catter* оставил в ее дневнике комментарий:

*когда экзамен? удачи! скачай себе джинна, сдашь
стопудово))*

По ссылкам Вовка обычно не переходила, но на джиннов ей в последнее время везло. У нового интернет-провайдера листовки пестрели синими толстяками в цветных фесках, похожий джинн мелькал на рекламках у метро, зазывал в чебуречную. И даже в приемной комиссии, куда она накануне заносила последние документы, на большую доску со списками, расписаниями и объявлениями кто-то прищипил малюсенький значок со знакомой голубой фигуркой – такие обычно носят на куртках, на рюкзаках, а тут зачем-то прикрепили к доске. На удачу?..

И Вовка лениво перешла по ссылке. С джиннами она уже как-то сроднилась.

Открылась страничка приложения-«исполнителя желаний». Ну ясно же, джинны – это про желания. Очередная бестолковая игрушка... Но бесплатная. Скриншоты были красивые. Отзывов – несколько тысяч, и все по четыре-пять звезд. Столько не нагонишь никакими ботами, слишком уж

много мороки.

Вовка все-таки вытаскала телефон, разыскала приложение и нажала «скачать». Загружалось оно долго, и Вовка успела проверить и «Инстаграм»*, и «ВКонтакте», а потом даже зачем-то залезла в старперский «Фейсбук»*, хотя друзей у нее там было раз-два и обчелся.

«Джинн» наконец загрузился, и Вовка ткнула в иконку.

По экрану разъехался синий толстяк.

«Готова к сбыче мечт?» – значилось в углу.

Вовка хмыкнула и нажала на зелененькое «да».

Джинн пыхнул дымком, развернул свой призрачный хвост, мигнул, и приложение вылетело. Вовка нажала на иконку еще раз, но ничего не произошло. Запускаться «Джинн» больше не хотел.

– Ну и к черту, – разозлилась Вовка.

Вот после этого-то свет и моргнул. Один раз, другой, как будто примерялся, а потом вдруг взял и отключился окончательно.

Конечно, приложение здесь было ни при чем. Но как-то приятнее, когда виновный найден – ну или хотя бы заподозрен.

Впрочем, страшно не было. Даже жутко весело: вот бы подольше продержался этот блэкаут!

С электричеством в их доме дела обстояли не очень. Отключали без предупреждения, на минуту, на час, на два. Объявлений уже не вешали, бумаги не напасешься. Соседи

бурчали, возмущались, писали какие-то жалобы, но свет от этого лучше не горел.

Вовка натаскала из кухонного шкафчика свечей, расставила их у себя в зале кругом на протертом ковре, села в центр и вообразила себя ведьмой.

Ноутбук держал заряд плохо, но Вовка знала, что долго ночное бдение не продержится. Что бы там с проводкой в старом доме ни творилось, чинили все быстро. Она пообновляла страничку со своим дневником, поменяла аватарку, пробежалась по списку постоянных читателей. Все то же, ничего нового. Так Вовка и сидела, пока спина не заболела и не пришел с котоинспекцией Яшка: устроился рядом с Вовкой, обкрутил лапы хвостом и стал жмуриться на свечи.

На ведьминого кота Яшка не тянул совсем. Шерсть у него была грязно-белая, как слякотный мартовский снег, путаная, а вылизывая себе шею, Яшка непременно цеплялся колючим языком за космы и долго еще не мог их прожевать. Ни изящества, ни загадки. Но Вовка любила Яшку. Единственное, что омрачало ее мечты о самостоятельной жизни, так это то, что в общежития с котами нельзя. Вообще-то Яшку завела мама, и технически он принадлежал ей, да и Вовка раньше любила рыжих – они такие яркие! Но с Яшкой она так сроднилась, что о других котах больше и не думала.

Электричество меж тем не включали. Вовка позвонила Лёле, поругалась с длинными гудками, не дождалась. Заглянула во «ВКонтакте» – не онлайн; пролистала ее «Инста-

грам»* – все то же, никаких новостей; написала в «Ватсап»*, но и там Лёли не было.

Вовка повалялась еще немного в своем ведьмовском круге, отлежала живот, чуть не подпалила носок, и ноутбук замигал зарядом. От нечего делать она отправилась раскладывать тахту.

В сизой, пахучей дымке от десятка затушенных свечей колыхались уличные тени, и убаюканная мерным движением Вовка быстро заснула.

Первую дремоту прервал телефонный звонок. Вовка подумала, что это Лёля – ну конечно, Лёля увидела пропущенный! – но оказалось, что это какой-то «Неизвестный номер».

Вовка не любила такие вызовы и предпочитала на них не отвечать. Ну что за человек засекретит номер? От кого он скрывается? Что такого случится, если абонент увидит какие-то там циферки, которые тут же и позабудет?

Но в этот раз Вовка ждала Лёлю – мало ли что случилось, от кого та перезванивает – и потому подняла трубку.

Только в ответ на ее «алло» молчали. Ни звуков дыхания, ни шуршания, ни транспортного гула. Тишина, и все тут.

– Я слушаю! Говорите!

Но звонивший не отвечал. Вовка отняла трубку от уха и глянула на экран: нет, не разъединилось, звонок все еще шел. Тогда она просто нажала «отбой».

Больше в этот вечер никто не звонил, и Вовка потихоньку уснула.

Вот тогда-то, задремывая, она в первый раз и услышала те голоса. Желтый и фиолетовый. Но значения этому полусну не придала.

Свет не дали ни наутро, ни днем, когда Вовка уже засоби-ралась к Марьяне Леопольдовне. Ни в «Ватсапе»*, ни в «Телеграме» Лёля не отвечала. Ну конечно, забыла, что у Вовки такая возможность – квартира без родителей. Веселится где-нибудь без нее... Вот тебе и подруга.

Дорога к Марьяне Леопольдовне занимала ровно тридцать одну минуту, и на эту разнесчастную минуту Вовка всегда опаздывала. Ну не умела она выходить заранее.

Но сегодня Марьяна Леопольдовна не поджала, как обычно, губы, встречая свою непунктуальную ученицу в дверях. Открыла Вовке тетя Галя, соседка из первой комнаты, необъятная, вся какая-то сизая, поношенная – от лица и до самых тапочек.

– А нет пока Леопольдовны, – объявила она, пропуская Вовку в душный, загроможденный коридор. Санки, коляска лежащая, коляска сидячая и трехколесный велосипед с лиловой бахромой на руле – поди протиснись. – Да ты проходи, проходи. Дверь она не запирает, посидишь, подождешь.

Марьяна Леопольдовна – статная, ухоженная, высокомерная – носила старомодные, но удивительно новенькие наряды. Она будто вынимала свои шляпки, шарфы и юбки из сундука, в котором консервировалось само время: никаких дырочек от моли, а ткани яркие, словно вчера только красили.

И эти вот ее бесчисленные бусы? Под каждый туалет у Марьяны Леопольдовны находился свой аксессуар – тщательно подобранный под цвет, будто пипеткой в Фотошопе. И духи она носила приятные, не какую-нибудь там «Красную Москву» из закровов пронафталинированного шкафа.

Вот почему, впервые переступив порог ее обители, Вовка так изумилась. И эта элегантная, суровая пожилая дама живет в какой-то занюханной коммуналке? Но если в коридоре зимой намерзал лед, в туалете ржаво протекал бачок, а на кухне витал душный аромат газа и спичек, то в комнате у Марьяны Леопольдовны царил чуть ли не военный порядок и какая-то изолированная, собственная красота. Кружево из позапрошлого века, фарфоровые балерины и резной шкаф с хрусталем смотрелись не пережитками прошлого, а почетными музейными экспонатами. И казалось вдруг, что Марьяна Леопольдовна с ее островком вышколенного, профессорского порядка когда-то владела всей квартирой, и только суровые времена заставили ее потесниться, впустив в свое жилье соседей в тельняшках, халатах и рваных тапочках.

– Да ты проходи, Влада, не стой столбом, – махнула рукой тетя Галя, по-хозяйски распахивая перед Вовкой дверь Марьяны Леопольдовны.

Вовку передернуло. Свое имя – Владислава – она терпеть не могла. Владой ей тоже называться не нравилось, так что она придумала краткое и бойкое мальчишечье «Вовка». Вот у кого еще такое? Уникально! Мама, конечно, в свое время

охла. Где это видано – девочке зваться как дворовому пацану? А папа только ухмылялся и быстро подхватил новую кличку. За ним нехотя подтянулась и мама, хотя называла дочь не Вовкой, а как-то сконфуженно – «Вов».

Без хозяйки комната Марьяны Леопольдовны смотрелась сиротливо. Вовка чувствовала себя неуютно, словно ворвалась в святая святых без спроса, но по часам ее урок уже начался, а преподавательницы все не было и не было.

Не зная, куда себя деть, Вовка присела на табурет перед пианино и неловко приподняла крышку. Обычно она смотрела на инструмент с середины комнаты. Там, в центре ковра, на красном розане, она проводила целый час. Левая нога на двух лепестках, правая – на одном, крупном, по-южному жирном. Марьяна Леопольдовна, вытянувшись, как в каком-нибудь императорском женском училище, возвышалась на круглом табурете, заслоняя от Вовки клавиатуру. Теперь она рассмотрела пианино как следует. Не «Красный октябрь», как у нее дома. Название звонкое, непонятное: «Тверца». А клавиши – протертые до пузырькового, белошоколадного нутра, матовые, жесткие. Вовка взяла аккорд, второй и решила, что может пока и сама распеться. Делов-то.

На третьем упражнении за спиной тактично-раздраженно кашлянули, и Вовка развернулась. Щеки так и загорелись.

– Халтура это, дорогая моя, настоящая халтура, – объявила Марьяна Леопольдовна, складывая на трюмо ключи. – Все-таки явилась? Зачем тогда звонила, отменяла?

Марьяна Леопольдовна помахала ладонью, будто отгоняя блохастую псину, и Вовка вскочила с табурета.

– Тебе кто разрешил трогать инструмент?

Вовка только хлопала глазами.

– Так я же...

– «Я же»! Дыхательные делала? На неделе распевалась? Программу свою тренировала? Звучишь как мышь давленная. Сейчас вон кишки забрызжут. Спину выпрями, ребра – книжкой, вдох до самой попы. Ну?

Вовка хотела промямлить, что накануне вступительного ни за что бы не отменила занятие, но вместо этого только выпрямила спину, раскрыла ребра и вдохнула до самой попы. Перечить Марьяне Леопольдовне не получалось.

Домой Вовка возвращалась выжатая, как дряхлая губка, которую можно давить до бесконечности – все равно еще капелюшечка останется. Вот и Марьяна Леопольдовна так думала, гоня Вовку, как для марафона.

– Придешь ко мне еще раз во вторник. А в среду чтобы мне вот так вот не бляяла. Понятно?

Опустились теплые летние сумерки, и Вовка, зевая, брела нога за ногу домой. Хотелось пить, есть и спать, но больше всего – каких-нибудь «чипсов-сухарииков». Хоть чем-то скрасить этот бестолковый день. И ладно, что увидят родители, – карта ведь привязана к их счету, а ни за молоком, ни за хлебом Вовка в магазин не ходит. Она вообще за «съедобными продуктами», как выражается мама, не ходит. Так

что сообщения с очередной суммой из супермаркета – это, ясное дело, или чипсы, или сухарики, или зефир. В крайнем случае сливочное полено. Оно – исключительно под настроение, с него Вовка любила только слизывать крем. Арахисовую, твердую поленовую толщу она оставляла сушиться в холодильнике неделями, пока мама наконец с раздражением не выбрасывала ее.

В магазин Вовка заскочила без зазрения совести. Сегодня можно. Ведь скоро вступительный, а перед ним – еще одна попытка Марьяной Леопольдовной. Не неделя, а наказание.

Но карту терминал почему-то упорно не принимал.

– Не хватает средств, – пожалала плечами кассирша. – Попробуем другую?

Вовка хмыкнула. Другую! Откуда она возьмет другую? Принялась пересчитывать наличку. Монет хватило только на шоколадный батончик. Гуляем, что тут скажешь.

С улицы она позвонила папе. Неужели заблокировали карту от греха подальше, чтобы дочь не позволяла себе лишнего? Но папа не отвечал. Мама тоже.

Тогда Вовка вошла в онлайн-банк и проверила баланс. Там стоял округлый и однозначный ноль.

Так что же, и правда денег не осталось?

Дома Вовка снова набрала родителей и опять послушала гудки. В эти выходные это уже становилось навязчивой традицией.

Хорошо хоть на субботнее занятие денег оставили. А до

вторника она еще успеет попросить... Но как же странно!

Недоуменно жуя батончик с сизым, лежалым шоколадным боком, Вовка устроилась на несобранной тахте с ноут-буком. Вот ведь безобразие, подушки валяются кое-как, одеяло сбито, постель целый день пылилась! Мама была бы в ужасе.

Вовка включила компьютер, но тот жалобно пискнул и вывел сообщение, что вот-вот сядет. Сумерки в комнате сгустились, и Вовка поняла, что не видит привычных зеленых цифр на электронных часах в углу. Неужели до сих пор нет света?

В опустевшей, обесточенной квартире было так безжизненно, что даже с Яшкой, извечно наводившим шороху, было как-то одиноко. Тот приутих и жался по углам, как будто его – это кота-то! – мрак тоже растревожил.

– Ну ясно, – бросила Вовка, возясь с замками, – ненастоящий ты кот, Яшка.

Сосед слева открыл не сразу. Его лицо, бурое и бесформенное, напоминало картофелину с «глазками». Вовку обдало дешевым, кислым сигаретным духом, и она едва не закашлялась. Если Михалыч смолит прямо в квартире, значит, жена его укатила на дачу. Еще бы, такая погода стоит!

– Чаво? – миролюбиво поинтересовался он, почесывая кривой пятерней живот.

Но Вовка уже заглянула ему через плечо: темно, равно как и на площадке перед лифтом, только где-то за углом пляшет

теплый, пламенеющий, уж точно не электрический огонек.

– Здравствуй, Пётр Михалыч, у вас тоже света нет? – все же спросила она.

– Нетути. Уж сутки как, – согласился сосед. – Тебе, что ль, керосинку дать? У меня ж вторая где-то завалилась. Ты погоди...

Но Вовка замотала головой:

– Да нет, спасибо, Пётр Михалыч, не надо. Я пойду.

Сосед еще возился, шаркал тапочками, бормотал что-то, шебурша в потемках, но Вовка поскорее нырнула к себе.

Ну ясно, значит, точно не у нее пробки вылетели. Эх, надо было зарядить телефон у Марьяны Леопольдовны! Вовка тоскливо посмотрела на оставшиеся четырнадцать процентов и вздохнула. Если так и дальше пойдет, придется завтра с утра бежать в кафе. Но заказать-то что-то надо... А у нее денег нет. Вот ведь!

Тогда Вовка отправилась в спальню к родителям. У папы где-то лежал пауэрбанк. От него можно зарядиться, хоть ненадолго. Но где же он?

По спальне бежали тени. Скользили по потолку треугольные полосы уличного света: слева направо, слева направо. На карнизе колыхался в желто-сером полумраке мамин ловец снов – это Вовка ей сделала на день рождения. Без таблеток мама спала очень плохо, могла полночи проваляться, не смыкая глаз, и Вовка решила, что суеверная безделушка ей хоть чуточку да поможет. Мама вообще была нервная,

вечно беспокоилась по пустякам, поэтому и со сном у нее все время не ладилось.

Пока Вовка перерывала папину тумбочку, за спиной она ощутила какое-то шевеление. Обернулась, испугавшись сама не зная чего, но в сумраке, перемежавшемся колыханием света по потолку, не различила ничего необычного.

Кровать с металлическими шишечками в изножье. Комод с носком-языком, высунувшимся из ящика. Полка, уставленная фотографиями в разномастных, глупеньких рамках, артиллерия маминых пузырьков, раскиданные книги. Люстра поблескивает гранями стекляшек. В кресле – ворох одежды. У двери брошены старые ботинки, которые папа перед выездом забраковал. Все как обычно, только ужасно темно.

Но где же костюм?..

Вовка вдруг похолодела. Она же заходила сюда еще накануне и удивилась: мама вроде бы костюм уносила, но вот он – бедный и забытый, прямо с этой самой люстры и свешивается.

А теперь его не было...

Вовка даже икнула. Вот ведь чудится... Ясное дело, что мама забрала костюм, а вчерашнее ей просто приснилось. В таких-то потемках что сон, что реальность – все какое-то одномерное и однотонное.

Так и не отыскав пауэрбанк, Вовка выбежала из родительской спальни и на всякий случай прикрыла дверь. Согрела себе на газе овощей, вскипятила чайник и села на кухне ужи-

нать при свечах. Хорошо хоть плита работала, и остаться голодной Вовка не рисковала.

Тьма была плотной, почти что жесткой, шершавой – как старые жернова. Сейчас сомкнутся и перемелют. Вовка усмехнулась, сфотографировала сверху тарелку с одинокой свечкой и запостила в «Инстаграм»*:

*Романтика. Разносолы, иллюминация.
@volnushka00, как тебе такой флэтлей?*

Ники у Лёли везде были одинаковые. Ее сухопарый, долговязый, как богомол, брат Федя все ругал сестричку за неосмотрительность: «Вычислить тебя на раз плюнуть». Лёля отфыркивалась: «Да кому надо-то?»

Социальные сети Федя вообще недолюбливал, но Вовка была солидарна с Лёлей – кому эти ее картинки понадобятся?

Лёля обычно отвечала сразу. Но в этот раз телефон все чернел и чернел пустым экраном.

Уехала она, что ли? Для деревни сейчас, конечно, самое время, и сдавать Лёле больше ничего не нужно. Отправила свои ЕГЭ в три вуза и сидит преспокойненько, ждет. А может, совсем и не ждет. Она факультеты выбирала от балды.

– Менеджмент – это раз. Менеджерить – это прямо мое, – объясняла Лёля, трясая крашеной челкой. – Маркетинг – это два. Понятия не имею, что это такое, но, говорят, креативно. Ну и этот... Педагогический на крайняк. Училкой тоже можно. Плохо, что ли?

Да Лёле наплевать, поступит она или нет. Наверняка в деревне... Только вот почему Вовке не сказала? Хоть строчку б черканула, хоть фоточку какую-нибудь прислала. Интересно же. Но если там у них и правда ничего не ловит, то какие уж фотографии...

Вовка вздохнула, глянула на заряд – девять процентов – и, захватив свечу, отправилась укладываться. Каким же бесплодным становится день с наступлением темноты! А если зарядки мало – вообще мрак. Во всех смыслах.

Проходя мимо спальни родителей, Вовка поколебалась. Остановилась, согревая пальцы о пламя свечи, и поежилась. В движении тени разбежались по углам, как испуганные мыши. А теперь, когда Вовка стояла, тьма сжалась еще крепче, коридор скупно сузился и стиснул стенками. За кухонным окном гроыхали трамваи. Взвыл мотоцикл. У самого подъезда прошуршали шины. Щелкали и щелкали настырные часы.

Вовка толкнула дверь родительской спальни и обмерла. С люстры свисал костюм.

Глава 2

Неизвестный номер

Перепугалась Вовка не на шутку. Захлопнула родительскую дверь, потом свою собственную, подперла ручку стулом и, как в детстве, залезла с головой под одеяло. Дверь в зал была старая, забранная матовым стеклом с узорчиком из выпуклых ягод, и сквозь нее маячила кривым рогом коридорная вешалка. Вовка накрылась подушкой и старалась не выглядывать, а Яшка устроился в ногах и принялся беззаботно вылизываться, подталкивая ее боком в колено. В конце концов, сморенная одеяльным теплом, убаюканная мерной возней кота Вовка уснула.

– Пустая луна, пустая голова, – забормотал над ухом ба-
систый фиолетовый голос. – Ну куда ему...

– Вот и говорю: куда ему? – удивлялся желтый голос.

– Ему ж всего ничего, а он выше головы прыгает, – под-
хватил баклажанный голос.

– Ну так верно говоришь: пустая луна, пустая голова, –
согласился желтый.

Вовка приоткрыла один глаз, никого не увидела и снова уснула.

Наутро Вовка, конечно, никакого костюма не обнаружила. Не без страха заглянув в родительскую комнату, она поняла,

что висел он на фоне окна, а если ей что-то и померещилось, то это «что-то» было снаружи. Силуэт дерева, тени, кусок фонаря, в который вставили дурацкую зеленоватую лампочку. Квартира у них располагалась невысоко, всего-то на третьем этаже, и увидеть через окно можно было что угодно.

Теперь в ярком утреннем свете все ночные испуги показались Вовке жуткой глупостью. Ну и навоображала же с три короба! И про костюм этот, и про голоса... Они же болтали типичную сонную чушь. Что за рифма такая: «пустая луна – пустая голова»? Именно такую ерунду засыпающий мозг обычно и выдает.

– Сегодня уже родители приедут, – объяснила Вовка ко-ту. – В шесть. Надо наверстать.

Электричества все не давали, и холодильник потек. Не отыскав половых тряпок, Вовка подоткнула под дверцу салфеток и насыпала себе хлопьев, а коту – корма. Пока Яшка хрустел, отфыркиваясь и тряся головой, Вовка перерыла ящик с кастрюлями и отыскала ковшик. Молоко на плите она никогда не грела. Обычно ставила кружку на сорок секунд в микроволновку – и готово. На газе все сразу пошло не так: вот вроде бы следила-следила, а потом отвернулась, и молоко тут же вспучилось, пошло кипеть и залило горелку. По кухне пополз мерзкий запах пережаренного. Им же отдавали хлопья, которые Вовка залила остатками убежавшего молока.

Потом она выяснила, что пролистать «Инстаграм»* уже

не сможет: телефон не включался. Ясное дело, сел, и без того больше суток продержался. Вовка вздохнула и пошла в коридор, звонить Лёле. Съездит к ней в гости, зарядит всю технику, пожалуется на жизнь.

Домашним телефоном не пользовались давно, потому и стоял он на полу, неуклюже втиснутый под табуретку, закрученный в провода роутера. Смахнув пыль, вытянув из-под табуретки трубку и заслушавшись незнакомым, нескончаемым гудком, Вовка вдруг поняла, что номера Лёли не помнит. Да что там – не знает! И никогда не знала. Да и зачем? Не звонить же, в самом деле, с домашнего на мобильный, не набирать же цифры *по-настоящему*, нажимая на кнопки!

Вовка вдруг разозлилась. Да что же за дурдом такой! Не выходные, а какая-то катастрофа. Если свет и к вечеру не включают, она, пожалуй, съедет, не дожидаясь поступления. Хотя куда ей съезжать-то...

Выглянув из кухонного окна на улицу, Вовка заключила, что уж сегодня куртка не понадобится: ни дождя, ни ветра. Градусника у них не было давно. Держался он на липучках и после очередного ливня улетел в кусты, а заменить все никак не доходили руки. Узнавали погоду в интернете – и то вернее, чем упорно врущий, косой термометр. Сегодня, конечно, смотреть негде, ну и ладно. Небо было чище некуда.

– Все, бывай, – кинула Вовка коту и маминым тоном добавила: – По столам не ходи, на занавесках не качайся.

Яшка только сверкнул на нее из коридора глазами, и

Вовка захлопнула дверь.

По пути позвонила в квартиру на первом этаже, где жила Зинаида Зиновьевна, председательница домового совета. Обычно Вовка старалась с ней не пересекаться. Если вдруг видела у подъезда, то заворачивала за угол и выжидала, а если сталкивалась с ней у лифта, то делала вид, что очень спешит. Болтала Зинаида Зиновьевна без меры, а угодив в ее силки, вырваться бывало непросто. Но сегодня Вовка решила пойти на жертвы.

– Ой, Владочка, ты, что ли? – защebetала председательница, распахивая дверь.

Пахнуло голубцами, влажными тряпками и псиной. Вылез мастиф Журик, сверкая грустными красными глазами из-под морщинистых век. Был он псом породистым, со всеми документами, сын подарил – так рассказывала Зинаида Зиновьевна, – и звали его на самом деле как-то очень длинно и неудобоваримо, так что у председательницы он получил кличку простую и короткую. С тяжеловесным видом мастифа она, конечно, совершенно не вязалась, но, судя по флегматичному выражению морды, Журику было совершенно все равно.

– Здрасьте, Зинаида Зиновьевна, – затараторила Вовка, переступая с ноги на ногу. – А что со светом, не знаете? Что-то давно нет.

Только бы не переключилась председательница на какие-нибудь квашения-соления, огороды и, того хуже, на-

рушителей, которые загромождают лестницы велосипедами или топают наверху голыми пятками («Прямо по голове, ну прямо по голове!»)... Вот уж тогда ничем не остановишь.

– Так это, – всплеснула руками Зинаида Зиновьевна, – я уже и в ЖЭК наш ходила, и жалобу написала, все без толку. Ничего не знают, что, когда – непонятно. У меня и без того холодильник слабый, а тут вот оно! Говядину вон отложила сыночку ко дню рождения, думала, заливное сделаю – и на тебе! Плавает все, капает. Пришлось на голубцы порубить, пока совсем не испортилось... Голубцы-то любишь? Давай-ка я тебе сейчас вынесу, у меня их уже и класть некуда, а без холодильника есть их надо сразу, вон как пахнет – объедение!

– Да ну что вы, Зинаид Зиновьевна, – заболтала еще быстрее Вовка. – Спасибо большое! Только я убегаю. Не возьму, уж простите.

Голубцы Вовка терпеть не могла.

– Тогда на обратном пути заскочишь. Даже не отнекивайся. Всем троим положу.

– Хорошо, Зинаид Зиновьевна, до свидания! – кинула Вовка уже с лестницы.

Ага, конечно. Забежит она.

– Я тебе оставлю, Влада, зайдешь обязательно! – неслось в спину.

Трамвай подъехал быстро, и как раз семнадцатый. Ну вот, теперь до Лёли доберется с ветерком. От школы подруга жи-

ла далековато, и после уроков они обычно сидели у Вовки.

И только выудив из сумки кошелек, Вовка поняла, что июнь уже давно кончился, а вместе с ним – и ученическая карточка.

– Ну? – нависла кондукторша, шлепая жирными, как гусеницы, губами. – Прикладывать будем?

Вовка вытянула зацарапанную карту, зачем-то приложила ее к валидатору, и тот, конечно, загорелся красным.

– Тогда платим, – кондукторша властно протянула руку.

Трамвай погромыхивал, проносясь мимо цветущего парка, а Вовка все думала, как ей быть. В кошельке пусто, наберется разве что пара рублей, карточка кончилась. А пешком до Лёлиного дома – не меньше сорока минут.

– Ну? – наседала кондукторша, оглядывая Вовку презрительным взглядом.

– У меня тут... – Вовка раскрыла отделение для мелочи. – Вот. Понимаете...

– Не платим – значит, выходим, – отрезала кондукторша, ткнув в сторону дверей. – Ну?

Вовке хотелось огрызнуться. Вот тебе и «ну»...

Она покорно вышла в конце парка. В воздухе витал тополиный пух, белые хлопья неслись по асфальту, набивались в стоки. Одурающе пахло поздней сиренью, скошенной травой и летним жаром. Вовка зажмурилась под солнечными лучами и вдохнула поглубже.

Кондукторша, конечно, гримза – могла бы и не выгонять,

Вовка не какая-нибудь хамская шпана. Ну и ладно! Дойдет, не развалится. Не так уж тут и далеко.

Угол парка Вовка решила срезать. Шла по каемке заросшего пруда, нежилась под теплым солнышком и думала, что, если бы в доме не отключили электричество, не сел бы телефон, помнила бы номер Лёли она наизусть – ни за что бы никуда не выбралась. Так и торчала бы в своем онлайн-дневничке все выходные. И если по дневнику Вовка скучала – столько всего бы уже успела понаписать! – то в квартире даже днем было как-то не по себе. Странно и одиноко. А тут, на улице – настоящее лето, почти свобода, и еще немного, совсем-совсем чуть-чуть, и начнется новая жизнь. Та самая взрослая жизнь, в которую Вовка так рвалась.

Она зажмурилась и едва сдержалась, чтобы не завопить от восторга.

А потом, чуть не царапнув затылок, прямо над головой прожужжала какая-то штуковина. В лицо швырнуло пряди, и Вовка едва не взвизгнула.

– Да ты чего?! – закричала она через пруд.

Квадрокоптер снизился над ряской, и паренек перехватил его прямо на лету. Обернулся к Вовке, прищурился и вдруг расплылся в улыбке.

– О, а я тебя знаю!

Вовка так и полыхала. Она терпеть не могла все, что летало. В детстве ей чуть не отрезало палец летающей тарелкой – зашивали в деревенском медпункте, – и тогда ей было

не до смеха. Вот и теперь вспомнился красный пластиковый край, острый как бритва, и захотелось наброситься на дурака с кулаками.

– Осторожнее надо! Тут же люди ходят! – крикнула она.

– А тебя... – Парень зашагал ей навстречу, переступая через кочки. Одет он был в беззаботную белую футболку и шорты. У него уже точно начались каникулы. – Тебя же Влада зовут! – вспомнил он. – Точно, Влада!

Вовка надулась, но тут же представила мерзкую пупырчатую жабу и поморгала. Так ее учила не злиться мама. Говорила, что злость уродует и нужно представлять себя со стороны, и чем некрасивее, тем лучше. Немножко отлегло, но выругаться все равно хотелось.

Солнце светило в глаза, над бережком пруда играли кружевные тени, и Вовка не сразу рассмотрела лицо. А когда парень подошел поближе, поняла, что жабу ей можно было и не вспоминать. Покраснела, как первоклашка на линейке, и отступила. Двинуть бестолковому нахалу больше не хотелось.

Это был Илья из бывшего одиннадцатого «А», по которому с ума сходило чуть ли не полшколы. В женском туалете на третьем этаже его именем были исписаны все стены. И в общем-то, были на то причины: высокий, темноволосый, широкоплечий Илья казался старше сверстников, и взгляд у него был такой хитрый, такой уверенный, что будь он даже пухлым коротышкой – все равно бы всем нравился.

– Вовка, – только и выдавила она.

– Что? – расплылся в улыбке Илья, а Вовка могла лишь пялиться куда-то ему в грудь, прямо по центру белого футбольного пятна.

– Все зовут меня Вовкой.

– Не может быть!

– А лучше Славиком? – вскинулась вдруг Вовка.

И чего она так разволновалась, как стесняшка последняя?

Школа у них была простая, районная, а уехать Вовка успела всего-то на одну остановку. Так что и встреча не такая уж и удивительная. Могла бы столкнуться с Ильёй за эти одиннадцать лет в любое время.

Но не столкнулась.

Себя Вовка к воинствующей толпе поклонниц Ильи никогда не причисляла. Даже мысленно. Втрескаться в Илью было легко. Ну и что же хорошего может получиться из человека, которому за свое счастье нисколько не нужно бороться?

– Если Вовкой – можно, то и Славиком – почему нет? – поддразнил Илья. – Если тебе так не нравятся женские имена.

– Нравятся. – Вовка раздраженно заправила волосы за уши и вскинула подбородок. Нельзя с этим красавчиком давать слабину. Она ему не глупенькая семиклассница, которая даже рта открыть в его присутствии не может. – А моим родителям, видно, нет. Выбирали между Женей и Сашей. А потом еще удивлялись, почему я выбрала себе такую стран-

ную кличку.

Илья усмехнулся. Улыбался он кривовато, как будто половина лица его онемела после приема у стоматолога, но это было на удивление симпатично, и Вовка почувствовала, как ноет где-то в груди. Она поскорее кивнула на квадрокоптер.

– А ты, я смотрю, развлекаешься на полную катушку.

– Отец подарил, – кивнул Илья. – На поступление.

Вовка хмыкнула. Ну конечно, у родителей Ильи, наверное, денег – куры не клюют. А ей папа ничего не подарит. Разве что похлопает по плечу и скажет: «Молодца, доча. Так держать!»

– Хочешь, покажу, как работает?

– Спасибо, я уже видела, чуть полголовы мне не снес, – скривилась Вовка.

– Так уж и полголовы. У него лопасти мягкие.

– Я вот как-то не хочу проверять.

– Ладно-ладно, ты уж прости.

Уши у Ильи как-то внезапно порозовели. И опять эта косящая улыбочка.

– И куда ты? Поступил то есть? – спросила Вовка, заслоняясь рукой от солнца.

– Да в «культурку», – махнул рукой Илья. – Особо не выбирал. А ты?

Вовка чуть не задохнулась. В «культурку»? Ну надо же совпадение...

– И я... – пролепетала она. – То есть... Еще не поступи-

ла... Я на вокальное иду, мне еще творческий экзамен сдавать. В среду.

– Ого. Даешь. Вокальное! Это же круть!

– Ну как круть... Не консерватория. Так...

– «Так»... Ты же петь будешь!

Он восхищался так искренне, что Вовка даже удивилась.

– Сокурсниками, значит, будем, – заулыбался Илья.

– Вроде того... – озадаченно протянула Вовка.

– Давай я тебя в ВК добавлю, – Илья ловко перекинул свою игрушку в левую руку, а правой выудил из кармана шорт телефон. – У тебя какая фамилия?

– Да я вообще, – замялась Вовка, – без фамилии.

– Это как?

– Ну, не со своей. Там и имя не мое.

– Ну и ладно. Диктуй.

– И вообще, там отчество.

– А если отчество – то все, писать тебе нельзя?

– А ты писать собрался?

Глупый, конечно, вышел вопрос. Может, и собрался, а может, и нет – в ВК ведь и на всякий случай добавляются. Тем более что они просто-напросто поступают в один универ.

– Могу просто фотки пролайкать, – со смехом предложил Илья.

– Нет, не надо, у меня там их всего две штуки. Я больше в «Инстаграме»* выкладываю.

– Да ты темнила. Давай, говори уже имя-отчество свое.

Вовка выдохнула, зажмурилась и выдала:

– Огнеслава Анимподистовна.

– Что-что? – захохотал Илья. – Аним... что?..

– Анимподистовна. Отчество такое, если вдруг не понял.

– Да понял-понял. – Плечи у Ильи все еще тряслись от смеха, пока он заполнял строку поиска. – Мало тебе прозвища...

Вовка надулась.

– Как хочу, так и называюсь. Паспорт в ВК не спрашивают.

– Молчу-молчу. – Илья примирительно поднял ладонь. – О, нашел. Ну еще бы, ты тут одна такая. Принимай заявку.

Вовка привычно хлопнула себя ладонью по карману и только потом опомнилась.

– Телефон сел. Потом приму. А может, и нет, – раззадорилась она. – Подумаю.

Уши у Ильи все еще краснели, так что робость как рукой сняло. Обычный мальчишка. Такой же, как и другие. Ухмылка эта косая, красивая. А в остальном – ну дурак дураком.

Но про себя Вовка, конечно, улыбалась.

– А вроде пишет, что ты онлайн, – пожал плечами Илья. – Странно.

– Да нет, глючит, наверное. – Вовка вытащила телефон и понажимала кнопку включения. – У нас дома отрубили электричество, я уже вторые сутки как на необитаемом острове. Все село.

– Повезло, – усмехнулся Илья. – Я б не отказался от такого

острова. Иногда, знаешь, тянет прочистить голову.

Вовка быстро глянула на его страничку – в строке «Сообщения» висело двадцать семь непрочитанных, в «Друзьях» – девять заявок, да еще и отметки на фотографиях. Досмотреть Вовка не успела, отвела взгляд и посмурнела. Ну конечно, таким, как Илья, целыми днями написывают какие-нибудь бестолковые девчонки. А Вовке – никто не пишет.

Из необыкновенного у нее – только прозвище, которое она сама же и придумала. Ну, может, еще голос, но какой от него толк... Вот было бы что-нибудь удивительное... Изумрудные глаза, например, или рыжие локоны. А у нее глаза обычные, серые, и волосы – как солома. Бледная моль, да и только. Нет, папа-то, конечно, не уставал приговаривать, что дочка у него девица-красавица, но Вовка его особенно не слушала. Для пап любые дочери красотки, хоть без носа, хоть с третьей рукой. Так что его мнение Вовка в расчет не брала.

Был, правда, у нее в девятом классе поклонник – самый настоящий. Тощий, как шланг, таскался за ней хвостиком, так что Вовка окрестила его про себя Крысячим Хвостом. Да и учился он в восьмом, так что какие там могут быть романы.

И когда-то давно, когда еще не убрали в ВК анонимные мнения, присылал ей какой-то неизвестный стишки. Вовка гуглила: лиричное – Есенин, а хлесткое и странное – Бродский. Общей темой, конечно, была любовь к Вовке, но кто этот анонимный воздыхатель, она не выяснила, а сам он се-

бя так и не раскрыл. Словом, истории у Вовки были сомнительные и уверенности в себе ей не добавили.

А тут бац – и красные уши. У самого Ильи.

Хотя, может, это у него такая особенность? Всегда уши красные?

Пока Илья рассматривал ее страничку, Вовка вдруг застеснялась и поняла, что больше этого разговора не выдержит. Поговорили – и хватит. Убежать бы и покричать как следует в подушку. Но нет, она же шла к Лёле – у нее дела, вот и отлично! Не стоит демонстрировать свою доступность, будто Вовка готова у пруда этого проторчать полдня.

Она, конечно, могла, но Илье об этом знать было необязательно.

– Ну ладно, я... это... побежала, – выдохнула Вовка.

– Какая у тебя спешка? Лето же!

– Это у тебя лето. А мне еще экзамен сдавать.

– А, точно. Ну, тогда удачно тебе сдать, Огнеслава Аним... – он запнулся и сверился с экраном телефона. – Анимподистовна.

Глаза у него смеялись, и весь он был таким летним, таким счастливым, таким беззаботным, что у Вовки перехватило дыхание. Вот бы весь день так с ним стоять – хоть у пруда, хоть в самом пруду, вообще неважно где. Вовка вспомнила измалеванный туалет на третьем этаже и снова у нее перехватило дыхание. Тот самый Илья – и вот он, рядом с ней. Такой обыкновенный и такой близкий. Как будто и не о нем

там стены исписаны.

От Ильи она и правда бросилась вприпрыжку. Увидела семнадцатый трамвай и, снова забыв про карточку, запрыгнула в последнюю секунду. Кондуктора в вагоне почему-то не оказалось, и Вовка проехала зайцем. Только вот о билете она даже и не думала.

– Лёлька, открывай!

Она барабанила в дверь уже с минуту. Звонка слышно не было, сколько Вовка ни жала на кнопку. Но уж стук-то не заметить вообще невозможно – сейчас сбегутся все соседи.

В кармане вдруг завибрировало. Вовка вздрогнула, схватилась за джинсы и вытащила телефон.

Экран горел. Запоздало заиграла мелодия.

«Неизвестный номер».

Опять.

Глава 3

Рыжая Света

В трубке снова молчали. Все та же тишина: ни дыхания, ни шелеста, ни стука, вообще ничего.

Да что же это за шутники такие?

Вовка раздосадованно ткнула «отбой», и телефон тут же отключился.

Ерунда какая-то. Он ведь уже давно сел. Вовка не раз пыталась его включить, и все ничего. А тут – будто специально для звонка очухался.

На первом этаже звякнул домофон, стукнула дверь, зашлепали по ступенькам подошвы. Вовка перегнулась через перила и еще издалека увидела Лёлин темный затылок.

– Лёлька, ну наконец-то!

Она бросилась навстречу подруге, но та, смерив Вовку презрительным взглядом, не сказала ни слова и только вонзила ключ в замочную скважину. За спиной у нее болтался сдвинувшийся, полупустой рюкзак.

– Лёлька, ты чего? Ты откуда? Я тебя все выходные вызваниваю. И дома у тебя никого, – озадаченно забормотала Вовка.

Лёля дернула головой, и ее ровненькая челка угрожающе закачалась.

– На даче все. Я пораньше смылась, комары заели.

И показала краснющую лодыжку над резинкой носка. Потом опомнилась, вскинула нос и хотела уже прямо за собой захлопнуть дверь, но Вовка ее удержала.

– А мне почему не сказала? Я тебе телефон оборвала. У меня же родители уехали, думала тебя позвать...

– Не знаю уж, что ты там оборвала, – пробурчала Лёля, дергая дверь, – но разговаривать мне с тобой неохота. Еще электричка эта, дышать нечем, потные все. – Она закатила глаза.

– Да я, что ли, в твоих электричках виновата? – удивилась Вовка.

Лёля смерила ее злым взглядом и снова дернула за ручку.

– Что тебе нужно-то от меня, понять не могу? – мотнула головой Лёля. – Вроде все уже друг другу сказали.

Вовка прищурилась: что сказали? Когда сказали? О чем это она?

– Так, давай-ка спокойно и все по порядку, – предложила Вовка. – Зарядка у тебя есть?

Лёля замешкалась. Брови у нее взлетели вверх, но Вовка не обратила внимания. Почуяла слабинку в обороне и распахнула дверь.

Квартиру Овсянниковых – всегда чистую и аккуратную, как и сама Лёля, – Вовка знала как свою собственную. Завернула за угол, в спальню подруги, и на прикроватной тумбочке отыскала зарядник, но тут же нахмурилась.

– Провод не тот. У тебя есть другие?

– Тебе тут магазин электроники, что ли? Тот, не тот...

Обалдеть просто!

Лёля и так обходительностью не отличалась – любила сказывать что-нибудь такое резкое, «честное», любила покомандовать, покричать хорошенько, но все по-доброму, словно бы понарошку, с дружеской, нежной фамиллярностью. Но сейчас ее голос был холоднее фарша из морозилки.

– Слушай, очень надо телефон зарядить. Потом сядем нормально... Я тебе такое расскажу! – пробормотала Вовка.

– Понарассказывала уже, мне хватило. Уходи.

Лёля указала на дверь.

– Лёльк, – осторожно протянула Вовка. – Ты чего?

– Да ничего. Сама прекрасно знаешь.

Из-под лямки ее летней маечки выскользнула бретелька. Повисла на угловатом Лёлином плече, и Вовку все подмигивало привычным подружкиным жестом поправить ее, но она не осмелилась. Лёлька не просто обижалась, дулась или делала вид, что бесится. Она и вправду злилась. Тонкие губы сжаты, глаза прищурены, коса растрепалась. Она даже рюкзак не успела скинуть – словно сейчас не было ничего важнее, чем выставить подругу из квартиры.

– Лёль, ты скажешь мне, что случилось? – пробормотала Вовка.

– Катись-ка ты к черту, вот что случилось, – выплюнула вдруг Лёля.

Она схватила Вовку за плечи, развернула и хорошенько толкнула в спину. Вовка выскочила на площадку, запнулась и налетела на перила. Дверь захлопнулась.

Такого рукоприкладства Лёля себе обычно не позволяла.

Вовка еще долго стучала, потом сдалась и побрела вниз.

Как-то странно это все, ну правда же, странно! О каких таких разговорах болтала Лёля? Что такого страшного могла обронить Вовка, а теперь даже не помнить?

И как все по-дурацки складывается, ну в самом деле! Дома нет света, на карточке ни рубля, а лучшая подруга выпихивает за порог, как неродную, да и за что? А может, Лёлин брат знает, что стряслось? Заодно и мобильник у него зарядить можно...

Федя выпустился два года назад и учился, по словам Лёли, «на какой-то там электротехнике». Квартиру он снимал с друзьями, и Вовка уже давно не виделась с ним. Раньше, когда пересекались в школе, они немного общались. Теперь у Вовки даже номера его не было, но разве это важно, если телефон все равно не работает?

Ни на какие дачи с родителями Федя больше, ясное дело, не разъезжал – слишком уж взрослый, – так что застать его дома кое-какие шансы были. Другой вопрос – где это самое «дома».

Вовка помнила, что Лёля говорила про улицу то ли Маслова, то ли Масловицкого, а квартира – кажется, шесть. Или восемь. Что-то четное, это наверняка. А вот дом – шестьде-

сят шесть, это Вовка запомнила точно. И метро ближайшее тоже.

А вот денег на жетон у нее не было.

На первый этаж Вовка спустилась в задумчивости. Метро не трамвай, зайцем не проедешься. Можно, конечно, переключить через турникет, как делают ловкие пацаны, но Вовке такой способ не нравился. Ловкой она не была: скорее нос разmozжит, чем перепрыгнет. А еще она стеснялась. Вот как так можно – просто взять и перемахнуть, без стыда и совести, наплевав на крики дежурной по станции?

Нет, это не для нее. А что же остается? Свинок-копилочка она дома не держала. Никогда не откладывала. Когда было нужно, пользовалась родительской карточкой, а потом выслушивала нравоучения – как важно быть бережливой и зачем это ей, собственно, еще один синий джемпер?..

У окошка консьержки она остановилась. Женщина за стеклом склонилась над кроссвордом: погруженная то ли в слова, то ли в сон. Классическая такая бабушка, округлая во всем – от очков и до локтей. Сколько Вовка у Лёли ни бывала, эту консьержку не видела. Может, новенькая?

Настольная лампа отсвечивала зеленым, и Вовка подумала, что заснуть при таком мутном освещении немудрено.

Она постучалась в стекло, и старушка вздрогнула. Очки съехали на кончик носа, но смотрела поверх стекол она так сурово, что Вовка аж похолодела.

– Простите, пожалуйста, – залепетала Вовка. – Я из два-

дцать первой. Дверь захлопнула, а кошелек с ключами дома оставила. Родители только вечером будут, а я бы пока к брату съездила, у него запасные ключи взяла... А денег нет... Вы извините за беспокойство, но можно у вас на жетон занять? Я вечером верну, как дверь открою.

Бормотала она быстро и едва соображала, что за ерунду придумывает. Если консьержка не новенькая и прекрасно знает Лёлю, то ничего не выйдет. Вот уж стыда не оберешься... Но попытка не пытка, верно?..

Она переступила с ноги на ногу, покрепче сжимая ремень сумочки. Консьержка отодвинула газету, потянулась к окошку и раскрыла створку.

– Из какой, значит, квартиры? – внимательно спросила она.

Голос у бабушки был странный и с внешностью ее никак не вязался. Она вся такая мягкая, пухлая – как пирожок. И печет такая, наверное, мастерски. А вот голос как будто у девчонки позаимствовала – тонюсенький, чуть не рвется. Словно с детства остался, ничуть не повзрослев.

– И-из двадцать третьей... ой, то есть из двадцать первой, – выдала Вовка.

– Так-так. – Консьержка вытянула из-под кипы книжек журнал в массивном бордовом переплете. – Овсянниковы. Ты, наверное, Ольга.

И глянула строго на Вовку. Словно на экзамене.

– Ага. Лёля, – машинально поправила Вовка.

Ответ консьержке как будто понравился, но она все равно неприязненно сощурилась за толстыми стеклами, оправила зачем-то очки, которые так и не сдвинулись, и кивнула.

– Хорошо. На жетон дам.

Она выудила из сумки кошелек из узорчатой кожи и принялась в нем копать.

– А вообще-то у меня и жетон есть.

Она протянула монетку, как будто проверяя: не обманывает ли девица, правда ли на проезд не хватает? Но Вовка просияла.

– То, что нужно! Спасибо вам огромное!

– Можешь не возвращать, – разрешила консьержка, а потом зачем-то и добавила: – Он сам вернется.

Вовка хотела переспросить, как это жетон вернется сам, но старушка уже захлопнула окно и загородилась кроссвордом.

Может, показалось?

И только выскочив из метро в чужом районе, Вовка поняла, что опять ничего не продумала. Если не найдет Федю – как вернется назад? Денег на обратный путь у нее не было. Вдобавок нависли тяжкие тучи, зарядил мелкий дождик, заметно похолодало. Вовка уже пожалела, что не накинула куртку. Вот ведь погода! Какое же солнечное стояло утро, а теперь...

Таблички на домах показывали все не то: Плотницкая, Пороховая, Дымченко. Здания мелькали мрачные, будто вы-

мазаные в гари и копоти. Невысокие, в три-четыре этажа, с деревянными балками под косыми крышами – у таких, наверное, и перекрытия деревянные, и печи есть. Мелкая дождевая пыль в воздухе мешалась с сизыми клубами дыма – то ли из труб тех самых печей, то ли от костров, которые вполне себе могли жечь на задворках.

Вовка закашлялась и обхватила себя руками. Темный район, весь какой-то грязный, присыпанный черной взвесью, провонявший гарью. Зато уж квартиры здесь, наверное, дешевые...

Она подскочила к дамочке с коляской.

– Простите, пожалуйста, вы не подскажете, где тут улица Масловицкого?

Женщина глянула так странно, будто Вовка спросила что-то непристойное, и пожала плечами. Ребенок в коляске закричал, затормошил пеленки (и почему они серые, будто тоже перемазанные гарью?), и женщина склонилась над ним, тут же позабыв о Вовке.

Она решила остановить мужчину под черным зонтом, но он шарахнулся в сторону, не успела Вовка и рта раскрыть. Женщина с увесистыми пакетами даже слушать не стала: опустила голову и засемила себе сквозь морось дальше.

Вовка пробежала мимо цирковой афишки («Трехголовое чудище, только у нас!»), обогнула витрину с сухоцветами (и кто их покупает, эти мертвые цветы?) и заметила пацана в наушниках. Ждать, пока он отвернется, не стала. Сразу на-

кинулась:

– Ты не знаешь случайно, где тут улица Маслова?

Мальчишка стянул край наушника.

– А?

– Маслова, говорю, улица. Не знаешь, где это?

– Маслищенко есть. И Маслюковича. Тебе кто нужен?

У Вовки голова кругом пошла. Откуда ей знать-то! Запомнила про масло – и хватит...

– Давай обоих, – попросила она.

– Ну ок, – пожал плечами пацан. – Маслищенко вон там, через перекресток, а Маслюкович – это вон туда и сразу налево.

Натягивая рукава кофточки на кулаки, Вовка побежала вперед, через дождевую мглу. Сгустились сумерки, будто день завершился раньше положенного, а вот вечер все никак не наступал. Фонари еще не зажгли, но даже противоположную сторону улицы рассмотреть теперь было трудновато.

Улица Маслищенко оказалась узким проездом на пять домов. Оканчивалась она пустырем, и Вовка отругала себя за то, что не спросила сразу про дом шестьдесят шесть. Номерные таблички, правда, показывали неизвестно что: дом два соседствовал с девятым, а три – с двенадцатым.

Продрогшая насквозь, Вовка вернулась обратно. Улица Маслюковича выпрыгнула из-за угла в великолепии огней: с ресторанчиками тут соседствовали магазины одежды, электроники и подарков, туда-обратно сновали автомобили, ми-

гали светофоры, а конец дороги терялся в разноцветной мгле. Улица Маслюковича Вовке понравилась куда больше.

Вот только дома шестьдесят шесть она так и не нашла. Пробежала сначала по четной стороне, а потом – для верности – и по нечетной. После шестьдесят четвертого шел сразу шестьдесят восьмой, и дворы у обоих были непроходные, так что вряд ли где-то позади прятался еще один дом, несправедливо выдавленный с проспекта.

Вовка все же набралась храбрости и расспросила полицейского на перекрестке, но он только свел тяжелые брови. – Болтать не положено, – отрезал он.

Вовка отступила, испуганная, что полицейский заподозрит ее в какой-нибудь афере: а ну как отвлекает его, пока подельники прямо под носом лезут в ювелирный? Пришлось вернуться на темную, незаасфальтированную улочку Маслищенко. За что же этого неведомого Маслищенко одарили такой честью – назвать его именем занюханную дыру на краю города?..

Дом шестьдесят шесть Вовка к немалому своему удивлению отыскала по соседству с седьмым. И кто определял эту безумную нумерацию и вешал таблички?..

Подъезд у дома был один-единственный. Под гнутым козырьком болталась, разгоняя ранние сумерки, желтая лампа. На табличке с номерами квартир цифры начинались со ста и заканчивались тысячей, и никаких тебе простеньких «шесть» или «восемь». Домофона Вовка не обнаружила, так

что просто толкнула дверь и решила, что с квартирами разберется на месте.

Лифта в подъезде не было, а лесенка вилась узкая, деревянная и выглядывала на улицу витражами. Фонарный свет снаружи причудливо струился зелеными лужицами на половицы.

Квартир оказалось всего ничего: по две на этаж. Вовка решила звонить в каждую – а что поделаешь?

В первой не открыли, во второй тоже. Взбежав по скрипучим ступенькам на следующий этаж, Вовка подумала, что таких удивительных домов она и видеть-то никогда не видела. Вроде городской, а весь какой-то не такой: и дерево тут, и витражи, и полная тьма на площадках, как будто электричество нужно только на крыльце.

В третьей квартире наконец открыли, и на Вовку поверх цепочки воззрилась грузная дама. Из квартирной щели веяло сушеными грибами, и Вовка невольно скривилась.

– М-да-да? – представительно и не особо дружелюбно спросила дама.

– Здравсьте, – выдохнула Вовка. – Я... Я Овсянникова Федю ищу. Не знаете, в какой он квартире живет?

– Твоего, что ль, возраста будет? – уточнила дама.

Вовка поспешно кивнула.

– Ребята какие-то на чердаке живут. Может, и Федя твой с ними. Шумят по вечерам! Ты вот пойдешь, скажи им, что соседи недовольны. Не дело это.

Вовка покорно закивала, хотя не очень-то и понимала, почему бы этой даме не выговорить нарушителям спокойствия самой. Впрочем, лестница на последнем пролете скрипела так жалобно, что Вовка засомневалась, что она выдержит кого-нибудь тяжелее мальчишки «ее возраста».

На чердаке стоял затхлый дух, тянуло влажным деревом. Витражные стеклышки расплескивали по одной-единственной двери цветные пятна. Вовка повозила влажными кроссовками по коврику, не отыскала звонок и постучала.

Сначала царил тишина, а потом кто-то затоптал голыми пятками, чем-то бряцнул и крикнул через запертую дверь:

– Кто?

– Здравствуйте! Я Федю Овсянникова ищу. Он у вас живет?

Дверь приоткрылась, натянулась уже знакомая цепочка, в нос ударил аромат жареного сыра и сырой земли. На Вовку глазела огненно-рыжая девица, из-за спины ее струился зеленоватый, интимно-сумрачный свет.

– Федю? Поняла. Минуточку.

Дверь захлопнулась и растворилась снова, на этот раз пропуская гостью.

Вовка нерешительно заглянула внутрь. Коврики самых разных мастей и размеров устлали прихожую и убежали вглубь квартиры. Отовсюду торчали лапы каких-то диковинных растений, на листья струился, словно удобрение, сонный зеленый свет. На стенах виднелись картинки: репродукции

классических полотен соседствовали с детскими каракулями, и казалось, будто их повесили здесь только для того, чтобы скрыть дыры в стареньких обоях.

– Уютно, не находишь? – заулыбалась девица. – Растениями у нас занимается квартирная хозяйка. Каждую неделю приходит поливать. Нам не доверяет. А лампы развесили мальчишки: для антуража, – рассмеялась она и махнула рукой. – Пойдем пока выпьем по стаканчику кваса, я угощу тебя домашней пиццей, а Федя будет к вечеру.

Правильная, аккуратная речь никак не вязалась с озорной внешностью: девица была чуть старше Вовки, волосы заплетены в мелкие косички, на носу – крупные, будто намалеванные карандашом веснушки, а в губе – колечко.

Вовка запнулась о коврик, но удержалась за вешалку.

– А вы... – заикнулась она, рассматривая гору перепутанной обуви под куртками.

– Я Света. Однокурсница Феде. Здесь еще Петя и Лёша живут, но их пока тоже нет. А раньше и Марина ночевала, но нашла себе ухажера и уехала. А тебя как зовут?

Рыжая обернулась, взметнулись змейки-косички. «Ухажера»... Откуда слова-то такие архаичные? И не ирония ведь, вполне себе серьезно.

– Вовка.

– А, – кивнула Света. – Ну пойдем.

И все! Никаких вопросов, никаких удивлений. Вовка улыбнулась про себя, скинула промокшие кроссовки и побе-

жала вслед за Светой. Одета она была в коротенькие джинсовые шорты и маечку, и в полумраке ее ноги и руки призрачно бледнели. Вовка еще отметила, что для девчонки у Светы голос слишком уж тяжелый, какой-то гулкий, неизящный, но думать было особо некогда.

– Вот пицца, – объявила Света, грохая противень на заставленный грязными тарелками стол.

Вовка смущенно присела на краешек табуретки. Кухню захламили до предела. Обьедки, очистки, немытая посуда, горы засаленных книжек, ноутбук, рваный халат... Чего здесь только не валялось! Штукатурка лупилась волдырями, лампочка без абажура свешивалась из-под косого потолка, под ногами стелился рваный линолеум.

– У вас... это... – вдруг вспомнила Вовка. – Зарядника нет, случайно?

Она вытащила и показала свой телефон.

– И случайно, и неслучайно: все есть, – отозвалась Света. – Минуточку.

И потопала голыми пятками обратно по коридору.

Вовка рассматривала «домашнюю пиццу» – гору разноцветных кусков на толстеньком отрезе теста – и облизывалась. В грязноватой кухоньке она наконец отогрелась и поняла, что жутко проголодалась.

– Вот, пожалуйста.

Света вернулась с зарядником, и провод на этот раз был тот, что нужен.

– Спасли, – выдохнула Вовка.

– Что будешь пить: квас или пиво?

Света распахнула холодильник, а Вовку так и подмывало сказать, что пиво. Но представила мамино лицо и не осмелилась. А Света-то уже выросла, и живет она совсем по-другому – пусть и делит квартиру с ребятами, а все-таки жилье это свое собственное, «взрослое».

– Да я не пью вроде. Квас давайте, если можно...

– Молодец, что не пьешь.

Света устроилась напротив, забравшись на табуретку с ногами. Сама она выбрала пиво, но какое-то несерьезное, как показалось Вовке, с вишенками на этикетке.

– Ну рассказывай, – откинув крышку, потребовала Света. – Что этот наш Федя учудил на этот раз?

Вовка поморгала.

– Бери пиццу, – кивнула рыжая. – Вот нож. Так что там Фёдор?

Вовка неловко вырезала себе кривой кусок и вгрызлась в него. Под начинкой тесто пропеклось не очень, зато корочка аппетитно хрустела.

– А что Федя? Я не знаю. Я как раз к нему пришла. Я вообще про сестру его хотела узнать, про Лёльку...

– Значит, ты ему не подружка? Ну и хорошо. А Лёля – это та крашенная стерва? – вдруг выдала Света и улыбнулась. – Знаю-знаю.

Вовка как раз глотнула ледяного кваса и тут же закашля-

лась. В Светином исполнении это слово звучало чужеродно. А Лёля, может, и красилась, но стервой была только понарошку.

Телефон меж тем очнулся, и на экране одно за другим вылезали уведомления.

– Прямо-таки столпотворение, – посмеялась Света. – Потеряли тебя, что ли?

Вовка схватилась за телефон. Думала, что придет что-то от родителей, от Лёли, а там – сплошь незнакомые номера. Ворох сообщений, голосовое в «Ватсап»* и уведомление из ВК.

Вовка даже вздрогнула. С каких это пор ей столько сыпется, да еще и непонятно от кого?

– Проверяй, не беспокойся, – подмигнула Света. – Меня развлекать необязательно. Ешь пиццу, а я пойду к себе. Если что понадобится – первая дверь направо. Федя уже скоро вернется.

Она ушлепала прочь, а Вовка принялась разбирать письма.

Первое сообщение было странным:

Добрый день! Я по объявлению. Кота еще отдаете?

Никаких объявлений Вовка, ясное дело, не размещала. И Яшку тоже отдавать не собиралась. Что за ерунда? Да просто ошиблись, ясно же!

Только вот переписка продолжалась сама собой, будто в

ответах писавший и не нуждался.

Заеду на неделе.

Потом:

Днем удобно?

И – последнее:

Договорились.

Кто это и с кем он договорился? А может, Вовке просто сыпались копии чужих сообщений?

В «Телеграме» от четырех неизвестных номеров ей пришли совершенно одинаковые пустые сообщения.

Голосовая запись в «Ватсапе»* длилась целых двенадцать минут, но звонивший упорно молчал: Вовка прокрутилась запись, послушала как следует и в середине, и в конце, но так ничего и не поняла.

Ну и глюки...

А вот во «ВКонтакте» ей написал откровенную ерунду какой-то Димыч Поплавский (сто двадцать три друга, и ни одного общего):

Бойся зеленых фонарей. Но пуще бойся, когда они погаснут.

И все. Ни «приветов», ни «как дела». Очередной интернетный псих, которому даже отвечать не стоит – заблокировать, и все.

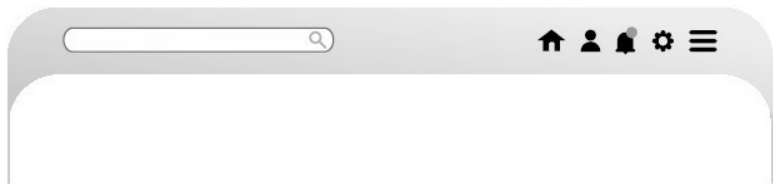
А остальное – глюки.

Вовка выдохнула, а потом вспомнила про разозленную Лёлю и позвонила ей. На этот раз гудки были короткие, причем не такие, когда у абонента занято, а еще короче, как будто телефон не работает. Но сколько бы она ни перезванивала, гудки повторялись снова и снова. Неужели подруга ее заблокировала? Надо бы у Феди спросить, что происходит, когда тебя блокируют. Уж он-то в этом всем разбирается.

Или у Ильи... Чем не предлог попереписываться? Вовка покраснела. Ну уж нет. Не время сейчас для предлогов, вообще не время думать о мальчишках.

Взяла еще пиццы и вгрызлась в подостывшую начинку. Попались кругляшок сосиски, кусочек сладкого перца и оливка. Ну и смесь! Вкус самостоятельной жизни... Только еда от мыслей об Илье не спасала.

Как хорошо, что телефон работает! Привычным движением Вовка отыскала иконку дневника и напечатала:

так странно. в школе он казался далеким, нереальным. принцем из какой-нибудь глупенькой девчачьей сказки. а там, в парке, он был настоящим, обычным, понятным. даже имя мое вспомнил. да откуда

он вообще знает его?

нельзя влюбляться, Вовка, нельзя. это глупость и ерунда. не-принцессы в принцев не влюбляются.

но ты же сама сказала, что в парке он был обычным...

Грохнула дверь, стукнула в коридоре вешалка. Вовка залилась краской, поспешно сохранила пост под замочком – чтобы даже Лёля не прочитала, если вдруг заглянет – и закрыла дневник. Размечталась. Не время, ну не время же!

– Петро, Лёхыч, вы чо, без меня жрать заказали? Ну я вам щас...

Федька ввалился в кухню мокрый, растрепанный. Высокий, как флагшток. Кажется, он стал еще выше, чем два года назад.

– Вовка? Ты чего это здесь? Ты как меня нашла? Лёлька, что ли, тут?

Федя так и опешил. Вовка вскочила ему навстречу.

– С трудом нашла! Я из-за Лёльки как раз и приехала. У меня электричество отключили, ничего не работало, не позвонить, телефонов не знаю, твоего вообще не записала, а Лёлька злющая, как черт, выставила меня, – затараторила Вовка. – Хорошо хоть Света ваша мне зарядник дала, у меня дома каменный век теперь, все выходные без света сижу, а еще родители уехали, я думала, с Лёлей посидим, а она...

– Эгей, ты погоди. – Федя поднял ладонь, плюхнулся на табуретку и оторвал себе пиццы. – Давай по порядку. А ты, Вовк, прям похорошела, сто лет тебя не видел.

Вовка зарделась. На Федю она никогда особо не засматривалась, но от комплимента как будто язык отрезало.

– Это кто сварганил? Вкусно, – Федя потыкал в пиццу указательным пальцем. – Воу, тут и ананасы есть. Ваще шик.

– Так это Света, я же говорю, – напомнила Вовка. – Она меня и впустила. Как бы я иначе сюда попала?

– У нас замок уже неделю сломан, все недосуг починить. А Света-то какая? – не понял Федя и даже перестал жевать. – Лёхыча баба, что ли?

– Не знаю я, чья она «баба», – мотнула головой Вовка. – Но сказала, что живет здесь, с вами, и имена все ваши назвала. Еще сказала, что тут Маринка какая-то раньше жила, но потом съехала.

– Маринку помню, – закивал Федя. – Была такая. А вот Свет здесь никаких отродясь не бывало.

– Федь, ты чего меня путаешь?

Вовка встала, отодвинула противень, протиснулась мимо кухонной стойки, заваленной пустыми коробочками от CD-дисков, и вышла в коридор.

Света сказала, что ее дверь – первая по коридору справа. Только вот справа никаких дверей Вовка не обнаружила.

Глава 4

Жетон

Федя вышел вслед за ней в коридор, недоуменно пожеывая пиццу.

– Вспомнила! – Вовка развернулась. – Она твоя одногруппница. Она так сказала, Света.

Федя вытаращился и покачал головой:

– Девчонок у нас в группе три штуки. Не запутаешься. Никаких Светок у нас нет.

– Ну погоди. Рыжая такая, с веснушками. Вся в косичках.

– Рыжая? – Федя почесал нос. – Не знаю. Была на первом курсе какая-то рыжая... Ее отчислили после первой сессии. Вообще не ходила. Пару раз была.

– Может, она?

– Ага, и живет тут с нами, а мы и не знаем, – хохотнул Федя. – Да не, может, и она. Надо у Лёхыча с Петро спросить. Наверное, кого-то из них.

– А сами они где?

– Ну, может, свалили куда-то. А девка осталась. Эй, Света, ты тут? – гаркнул Федя. – Пошли.

Он махнул Вовке. Они прошлись по квартирке, распахивая двери одну за другой.

Первая спальенка оказалась совершенно треугольной: она

ютилась под скошенным потолком и распрямиться можно было только у левой стены.

– Это Лёхыча, – объяснил Федя.

Во второй царил такой кавардак, что ступить было некуда. С лампы свисал носок, у комода, оцетинившись скотчем и упаковочной бумагой, валялись одна под другой раскрытые коробки, кровать была завалена одеждой.

– Это Петро.

В третьей спальне, темной и тесной, тоже особо не убирались.

– Это моя, – с непонятной гордостью сказал Федя. – Кароч, нет тут места для девчонок. Три комнаты у нас и кухня.

– А где же Марина спала? – спросила Вовка и вдруг покраснела.

А вдруг это было бестактно?

– Так на кухне. На раскладушке. Она кантовалась недолго, может месяца два.

– Ничего не понимаю...

– Слушай, да забей вообще. Пацаны придут – разберемся, кто тут к нам без разрешения шастает.

– Ну странно же: была и ушла...

– Ясно все: завтра с утра первым делом пойду за замком.

Вовка хотела поверить, что ничего подозрительного в исчезновении, да и в появлении этой рыжей Светки нет, но после выходных без электричества и анонимных звонков ей всюду чуялись какие-то странности.

– Слушай, а что у вас тут с нумерацией? И домов, и квартир, – спросила Вовка. – Какой-то бред.

– А-а, это, – Федька потопал обратно в кухню, оторвал себе еще пиццы и принялся беззаботно пережевывать. – Так тут все поносили. Потом вроде как в документах что-то потеряли, перепутали... Короче, какие-то дебилы перевесили таблички. Ну потом и повелось. А квартиры тут тоже уже от балды нумеровали. Веселенький у нас райончик, ага.

– Да как же так можно? – недоумевала Вовка. – Взяли и перевесили?

– Дык давно это было. Еще в том веке, – хохотнул Федя. – Ты чего приехала-то, я так и не понял?

– Да говорю же, хочу про Лёлю расспросить. И вот... телефон заодно зарядить, – как-то виновато отозвалась Вовка.

Ну не говорить же Феде, что ей дома какие-то ужасы чудятся? И вроде бы все объяснимо, но... Как-то неприятно. Пусть и с котом, а все-таки – в одиночестве. С Лёлей она хотела еще и про Илью поговорить, поделиться восторгом, а после ее холодного приема и думать забыла про встречу в парке...

– А что с Лёлькой? Поцапались? Давай я ей звякну. Ну-ка, погоди, пока не забыл. Давай твой номер запишу. На всякий случай.

Не выпуская из руки пиццу, Федя ловко выудил из кармана телефон. Вовка покорно продиктовала.

– Ага, все верно, – кивнула она, когда ее экранчик заго-

релся вызовом от Феди.

– Ну и супер. Так, давай с Лёлькой разбираться.

Но Лёля не отвечала.

– Гудки, – пожал плечами Федя. – Не берет.

– А гудки – какие? – уточнила Вовка.

– Обычные.

– Короткие?

– Нет, просто не отвечает.

– Значит, длинные?..

– Ну да.

Прожевав остаток пиццы, Федя подозрительно сощурился:

– Ты какая-то дерганая.

– Есть немного...

– У тебя там дома что, жрать нечего? Давай садись, нормально поедим. Могу макарон сварить.

– Да нет, спасибо. У нас газовая плита, я не голодала. – Вовка улыбнулась.

Все-то ее сегодня пытаются накормить... И Зинаида Зиновьевна, и Света эта с ее пиццей... А Федька такой забавный – простой, заботливый.

В кармане завибрировало, и Вовка схватилась проверять.

Может, родители наконец написали? Странно все-таки, ни разу за выходные не позвонили. Может, роуминг, конечно. Но уж сообщение-то почему не кинуть? Обычно ведь спуска не дают: где была, что делала?

Пришло сообщение – и снова от неизвестного номера, но на этот раз не пустое.

Давай-ка домой.

Вовку так и передернуло. Обычно в таком тоне с ней разговаривала мама. Любила она это «давай-ка». Но чей же это телефон? Может, с маминой сим-картой что-то случилось и пришлось купить новую?

Это ты, мам? Все в порядке? – быстро напечатала она.

Ответ прилетел через пару секунд:

Домой.

Теперь Вовка и вовсе задрожала. Ну точно, мама. А времени-то сколько! Она только сейчас взглянула на часы и ужаснулась. Девять вечера! Родители уже давным-давно вернулись.

– Все, я побежала, – бросила она Феде. – Спасибо за пиццу, за зарядник... Мне пора.

– Ну ты и метеор, – присвистнул Федя. – А зарядник не мой.

– Так Свете передашь.

– Знал бы я еще, что это за Света такая...

Вовка пожала плечами и пристроила зарядное устройство на столе, между грязными тарелками – другого свободного места на загроможденной кухне она не нашла. Федя неловко потоптался, провожая Вовку к двери.

– Ну ладно, бывай. Рад был свидеться. Ты пиши, если что.

Номер есть.

– Ага, – только и кивнула Вовка.

Ну и денек! Хрень какая-то.

По пути, чтобы отвлечься, Вовка снова открыла дневник и настрочила:

а федя вообще не изменился. простой, как дважды два. но вот удивительно: от одних сердце екает и переворачивается, а на других смотришь – и вообще ничего. даже если легко и свободно с обоими. и как так получается?

Запись она опять скрыла.

У метро Вовка вспомнила, что нужно было занять у Феди на проезд. Опять эти деньги! Вовка привыкла к карточке, с ней казалось, что транспорт бесплатный. А теперь такая простая штука – всего-то поездка по городу! – превратилась в невозможную трудность.

Ну и что же делать?

Вовка бродила по вестибюлю, рассматривая облупившуюся лепнину, и старательно соображала. Кроссовки так и

не высохли, пока Вовка сидела у Феде на кухне, и теперь противно чавкали по мраморной плитке, оставляя за собой влажные следы. От этого, да еще и от мерзкого ощущения бессилия Вовке вдруг захотелось расплакаться.

Ну вот еще!

Она тряхнула головой и позвонила маме по новому телефону из сообщения. Сейчас попросит перевести ей денег, и все будет хорошо.

Но вызов почему-то срывался, Вовка даже не слышала гудков.

Тогда она попробовала старые номера, и мамин, и папин. Никто не отвечал.

А может, это у нее с телефоном что-то не так? Потому и сыплются странные звонки от неизвестных и пустые сообщения.

Но от очередного предположения Вовке легче не стало. Ехать-то было нужно, а вот на что – неясно. Идти через весь город под дождем Вовке не улыбалось. Не хватало еще простудиться накануне вступительного. И ладно, если просто горло заболит, а вдруг голос пропадет, как она петь-то будет?

Тогда что? Возвращаться к Феде? И снова под дождь...

И тут, пошарив в сумочке, Вовка вдруг нащупала монетку. Одной на целую поездку, конечно, не хватит, но... Выудила. Оказалось – жетон.

Неужели завалился? Знала бы, не просила у консьержки... Ну и ладно, какая уже теперь разница?..

По пути домой окончательно стемнело. Снова зарядил дождь, и Вовка припустила бегом. Пересекая скверик, она по привычке принялась отсчитывать окна и только потом уже поняла, что электричество наконец-то дали. Окошки дома уютно светились желтыми, синими, розовыми занавесками, и Вовка выдохнула. Можно будет и ноут зарядить, и еду разогреть в микроволновке, как полагается в двадцать первом веке, и свет везде зажечь – чтобы ни одной дурацкой тени!

А потом увидела: и кухонное окно, и ее собственное стоят темные.

Наверное, родители у себя, их комната смотрит на другую сторону. Все в порядке, нечего всякую ерунду на пустом месте придумывать!

И только распахнув входную дверь, Вовка поняла, что дома никого нет.

Глава 5

Сообщения

– Мам? Пап?

Вовка обошла всю квартиру и даже на всякий случай заглянула в кладовку. Никого. Только Яшка вертелся под ногами, голодно муркая и заглядывая в глаза.

Свет она повключала повсюду. Зажгла люстры, торшеры, бра, даже тусклую лампочку под кухонной вытяжкой – хотелось выгнать мрак до последней капельки.

Потом снова позвонила родителям: ничего. Подключила к сети ноутбук, поставила на зарядку телефон. Открыла «ВКонтакте», просмотрела родительские странички и увидела: не заходили с пятницы, оба.

А вдруг с ними что-то случилось?..

Заглянула в «Телеграм» – не заходили с пятницы.

Открыла «Ватсап»* – не заходили с пятницы.

Вовка вскочила. Да точно с ними что-то стряслось! На телефоны не отвечают, во «ВКонтакте» не заходили, сами не звонили, вовремя не приехали... Часы показывали одиннадцатый час – а родители обещали вернуться к шести.

Да как же так-то?..

Вовка заметалась по квартире: ей всегда казалось, что думать на ходу удобнее, но в этот раз не помогало.

Что делать, если с ними и вправду что-то произошло?

Она снова схватилась за телефон и набрала Лёлю, но подруга не отвечала. И что за дурацкая обида на ровном месте? Чертыхнувшись, Вовка сбросила звонок, и тут из кухни звякнуло оповещение «ВКонтакте». Вовка метнулась обратно.

Как дела? Как воскресный вечер проходит? – написал Илья.

А Вовка вообще про него забыла... Как же не вовремя, как некстати он ей написал! Утром она убежала от него в восторге, а теперь ей вдруг стало страшно – до дрожи страшно!

Вовка даже не успела принять запрос Ильи, не посмотрела страничку, только и глазела на открытое сообщение, не зная, куда деваться.

честно? отстой. предки куда-то запропастились.

А что, это плохо?) – ответил Илья.

Но Вовке было не до шуток.

на связь не выходят. уже четыре часа как должны были приехать. они на выходные уезжали.

Илья быстро написал:

Куда уезжали? На чем? Номера рейсов знаешь?

Вовка даже удивилась перемене тона. Все по делу.

они на поезде уехали. город энск, что ли. я не

запомнила. там конференция была.

Так, – ответил Илья. – Давай название конференции. Когда уехали? Посмотрим расписание. Ты еще кому из родных звонила?

Вовка даже за голову схватилась.

да не знаю я название конференции...

И тут же поспешно добавила:

погоди.

Вскочила и бросилась в родительскую спальню. На тумбочке у отца вечно валялись какие-то бумажки. Может, там есть какие-то данные?

А родные... Да кроме матери с отцом, у нее никого и нет. Некому звонить.

От этой мысли Вовке очень сильно захотелось шмыгнуть носом, но вместо этого она принялась перерывать листки. Среди чеков, оберток и непонятных распечаток ничего дельного она не нашла. В ящиках тоже полезного не обнаружилось: капли для глаз, провода, беруши... На подоконнике лежала стопка расчетов. Никаких названий, билетов или рекламок мероприятия не было. Вот если бы папа оставил свой ноутбук, Вовка бы мигом во всем разобралась: паролей он никогда не ставил. Но компьютер он, ясное дело, взял с собой.

ничего. вообще ничего, – написала она, вернувшись на кухню.

Яшка примерился и нахально вспрыгнул на стол, но Вовка без всяких церемоний скинула его.

– Пошел отсюда!

Кот ускакал прочь.

Так. Сейчас разберемся. Давай все по порядку. Куда, когда – хотя бы примерно, – прочитала она.

В животе ныло от тревоги, но забота едва знакомого парня из школы Вовку тронула. После всех этих мелких испытаний, которые подкинули ей выходные, очень хотелось просто положиться на кого-то другого – сильного и умного. Конечно, Вовка мечтала о самостоятельности, но сейчас всю ее храбрость как ветром сдуло. Она вдруг превратилась в беспомощного малыша, но рядом с Ильёй, таким спокойным и рассудительным, это бессилие уже не пугало.

Она все выложила – все, что знала или помнила хотя бы примерно. Отвечал Илья быстро, задавал вопросы, параллельно что-то гуглил, а Вовка с облегчением выдохнула.

Сейчас они разберутся. Илья ей поможет. Лёлька, конечно, дура, и очень плохо, что никаких подружек, кроме нее, у Вовки нет. Но Илья, возможно, даже лучше.

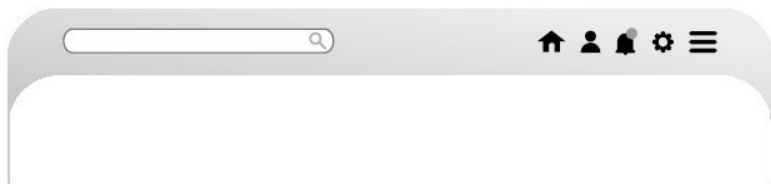
Вовка зажмурилась от непрошенной мысли. И кто же это сравнивает подруг и парней?.. Но сейчас ей не к кому обратиться.

Вовка привыкла, что мирок у нее компактный: родители да Лёля. Семья и подруга – вот и все, что нужно. Большие компании она не любила и даже немного их боялась, а недо-

статок общения восполняла в своем онлайн-дневничке. Все просто и удобно.

Только вот теперь, когда родители не вернулись вовремя, а Лёля не отвечала, Вовка вдруг поняла, какой неустойчивый и непродуманный этот ее удобенький, «компактный» мир.

Пока Илья что-то искал, она открыла дневник и настроила новый пост. Он вышел совсем коротеньким:

до родителей не дозвониться. никогда бы не подумала, что это я буду им названивать, а не они мне. что там мне мама обычно говорит? десять пропущенных – домашний арест на двое суток? да мои родаки себе уже целую неделю заработали.

От этой простой и почти веселой мысли тревога отступила. А может, у них поезд задержался? Или они сами опоздали?..

А еще этот пост непременно прочитает Лёля. Может, Вовка хоть так до нее достигнется?

Короче, – ответил наконец Илья. – Все по расписанию. Поезд на шесть прибыл. Других не будет до завтра.

Вовка чуть не вздрогнула. Как не будет?

По малому бизнесу – одна конференция, как раз в выходные, вот название: «ИнтерКон». Других вариантов нет.

Вовка закивала:

да, точно, она! папа что-то такое и говорил!

Илья ответил:

С конференцией все нормально, прошла и прошла. В новостях все чисто, – продолжал он. – Я хорошо прошерстил.

На Вовку снова накатило, и от ужаса она совсем перестала дышать. Не хватало еще по больницам звонить.

Вместо этого она снова схватилась за телефон и упрямо набрала по очереди маму, а потом папу. Проходили все те же бестолковые длинные гудки, и никто не отвечал.

Я думаю вот что, – рассуждал меж тем Илья. – Пока надо ждать. Если к утру ничего не изменится, пойдём в полицию.

Вовка вскочила с места и закружила по кухне.

В полицию... В полицию!.. Не место таким словам в ее простенькой, размеренной жизни, в ее удобненьком, «компактном» мире!

И только потом Вовка заметила это теплое, дружеское «мы»: «пойдем».

Ты как там? – написал Илья. – Хочешь, сейчас приеду? Без дураков.

Вовка не очень поняла, без каких это дураков – что Илья точно-точно приедет или что не будет приставать, – но над ответом думать не стала.

да ты чего. не надо, я в порядке. ты прав, до утра подожду, а там посмотрю. может, реально просто опаздывают, а я тут развела панику.

Илья ответил тут же:

Ну давай. Я на связи. Пиши в любое время, я телефон под подушкой держу.

Вовка невольно улыбнулась. Какой же он милый... Понятно, что писать сообщения да гуглить – труд небольшой, но как же ей сейчас все это было нужно!

Вовка выскочила в коридор, вытащила разобидевшегося Яшку из-под вешалки и прижала к груди.

Все будет хорошо. Иначе и быть не может.

Звякнул телефон, и Вовка метнулась обратно на кухню.

Что, страшно? – прочитала она в сообщении с незнакомого номера.

А ведь минуту назад все как будто наладилось. Вовка поверила, что переволновалась, и приготовилась ждать. Яшка мурчал у нее на руках, о ней думал Илья, а все остальное отдалилось и растеряло всю важность.

Но от сообщения у нее перед глазами помутилось.

Мам, это ты? Что за дурацкие шутки? – путая буквы, напечатала она.

Ответ не заставил себя ждать. Даже экран не успел погаснуть.

Никаких шуток. Все серьезно.

Вовка нахмурилась. Ясно, что это не родители. Такими глупостями они бы не занимались ни за что. Не хватало теперь стать жертвой каких-нибудь телефонных хулиганов...

Она выглянула в окно, рассматривая дом через дорогу. Теоретически ее кухня просматривалась отлично: нужен только хороший бинокль. Но не может же таинственный шутник знать о том, что она пишет в интернете? Или он ее не видит, и все это – какое-то глупое совпадение?

Она нажала «вызов», но абонент не отвечал. Зато потом пришло новое сообщение:

Главное в кризисных ситуациях – сохранять спокойствие.

Вовка чуть не взвыла. Да откуда ему-то про кризисные ситуации знать!

Кто вы? Что вам нужно?

С ответом неизвестный не торопился. Вовка нарезала круги, не сводя глаз с экрана. Дождалась.

Ты ведь хорошая девочка?

От такой развязности она чуть не затряслась. Хотелось от-

швырнуть телефон, как кусок протухшего мяса. Но следующее сообщение заставило ее обомлеть.

Правда, Вовик?

Она бросила телефон на стол, и тот, проехавшись по кленке, врезался в вазочку с сушками, опрокинув ее набок.

Откуда он знает это имя? И не просто имя в паспорте или даже во «ВКонтакте». Так не звали ее ни родители, ни Лёля – так иногда звала себя сама Вовка.

Мысленно. Про себя. А еще – в закрытых дневниковых записях, которые даже подруга прочитать не могла.

Ну нет, это уже чушь какая-то.

Отвечать она не стала. Вместо этого села за свой ноутбук и – вслед за Ильёй – прочесала интернет.

И правда: поезда, на которых должны были ехать родители, приехали в срок и без всяких происшествий. Конференция состоялась, ничего не откладывали, и никаких чрезвычайных ситуаций во время выступлений задокументировано не было. В самом Энске было тихо, и в заголовках мелькало одно и то же: новый выставочный зал, погода, парковки, косплей-фестиваль, медведица Маша и отремонтированный бассейн. Скучнее города Вовка и представить себе не могла. Но сейчас это было даже хорошо – никаких горящих автомобилей, взрывов бытового газа и даже ДТП. Все чинно и мирно.

Отмалчиваешься? Правильно, Вовик. Нужно

хорошенько подумать.

Вовка и сама не знала, зачем глянула на загоревшийся экран. Кем бы ни был этот псих, он просто ее запугивал. Может, про «Вовика» она сама где-то обронила, а может, неизвестный просто ткнул пальцем в небо. Много ума не надо: где Вовка, там и Вовик.

Объяснение отыщется и всему остальному. Она же, в конце концов, живет не в диком лесу. Откуда-то этот человек ее знает. Он вполне реален, если пишет ей пусть и непонятные, но осмысленные сообщения. А если так, Вовка выяснит, кто это.

Или – еще лучше – она даже голову ломать над этой загадкой не будет.

Вовка схватила телефон и заблокировала абонента. Все, никаких теперь сообщений.

Но сообщения приходили все равно: беззвучно, незаметной единичкой над иконкой «Сообщения». Следующая поступила через полчаса, еще одна – через час. Третья – уже после полуночи.

Сначала:

Не бойся, Вовик. Все будет хорошо.

Потом:

Главное – быть хорошей девочкой.

И в заключение:

Ты же хорошая, правда?

От этой «хорошей девочки» Вовку уже отчетливо мутило. Ни один нормальный человек не напишет такого незнакомцу, и веяло от всего этого каким-то спертым, нездоровым духом.

После третьего сообщения Вовка просто взяла и отключила телефон. А потом вспомнила, что нужно ждать звонка от родителей, и включила его обратно.

Вот это правильно, милая.

Вовка затряслась. Откуда ему знать, что она делает?

В кухне плотных занавесок не висело, только прозрачный тюль. Вовка поняла, что неизвестный все-таки ее видит, и, путаясь в проводах, потащила ноутбук в зал. Тут же задвинула шторы, проверив, нет ли щелей, и для верности потушила люстру. Она даже на компьютере понизила яркость – на случай, если сквозь и без того тяжелые гардины просочится хоть пятнышко света.

Теперь, сидя в крошечной тьме, Вовка ощутила себя в безопасности. Еще вчера она тряслась и мечтала, чтобы электричество поскорее вернули. А теперь – такая перемена!

Она открыла страничку Ильи. В уголке значилось: «заходил 56 минут назад». Значит, уже лег. Или нет?

Вовка бросила ему сообщение:

спишь?

Под его аватаркой тут же появился зеленый кружок.

Не сплю. Ну что? Ты как?

Вовка подышала глубоко, чтобы чуть успокоиться, и написала:

*все так же. только мне тут еще какой-то дебил
написывает.*

Один на один с мерцающим экраном Вовка сидела в круге света, а ночь смыкалась вокруг плотным, тяжким кольцом. Даже Яшка все не шел к ней на тахту – наверное, засел под ванной.

Что за дебил? Что пишет?

Вовка бросила взгляд на темный экранчик телефона. Может, не будет больше никаких сообщений?

*да не знаю. странно пишет, мне что-то не по себе.
но, наверное, малолетка какой-нибудь без мозгов.*

Но Илья настаивал:

Что именно он пишет?

Вовка задумалась. А может, она себя накрутила и ничего страшного этот неизвестный ей не написал?

*не знаю, наверное, он меня в окно видел. я ушла
в другую комнату. пишет ерунду какую-то, – Вовка
прервалась, не зная, что стоит рассказывать Илье, а что
– нет. Вдруг он посчитает ее психованной истеричкой? –
ничего конкретного, никаких угроз там. но мне
страшно.*

«Илья печатает», – значилось в переписке.

Три точки прыгали довольно долго, и в это самое время экран мобильного снова загорелся.

Друзья тебе не помогут, милая, – значилось в сообщении.

Вовка дернулась, будто телефон отрастил клыки, и отшвырнула его прочь. Он кувыркнулся в синеватом полумраке, шмякнулся на линолеум и залетел под пианино.

Руки у нее дрожали.

Три точки в переписке с Ильёй превратились в сообщение:

Может, тебе подругу позвать? Пусть с тобой переночует. Так себе у тебя день, все эти переживания ни к чему.

Вовка уже чуть не всхлипывала.

да мы с ней поссорились. не приедет.

Ну хорошо. То есть плохо. Так. А еще кто-нибудь есть? – настаивал Илья. – *Может, у соседей можешь переночевать?*

Вовка представила, как стучится к Петру Михалычу, а тот открывает ей, неизменно почесывая растянутую тельняшку, и зевает во весь рот, обдавая перегаром. Или звонит Зинаиде Зиновьевне, а та выглядывает, вся в бигуди, в цветастом халате, а позади маячит ее гигантский красноглазый Журик – только шагни, залижет до смерти!

Вовку передернуло. Ни обниматься с Журиком, ни спать на раскладушке в квартире у Михалыча она не собиралась. Даже непонятно, что хуже.

Так, ясно, – тут же ответил Илья. – Давай тогда я приеду. Серьезно. Без проблем. Ты же помнишь, я свободен как ветер. Завтра мне никуда не надо. За меня не беспокойся.

Вовка уткнулась лицом в подушку.

Признаваться себе, что Илья – мальчишка ее мечты, Вовка не собиралась. Но от мысли, что он переступит порог ее квартиры, да еще и глубокой ночью, ей стало нехорошо. Ну и свиданьице!

С другой стороны, никаких намеков Илья не бросал. Это Федька не постеснялся сделать комплимент, а у Ильи девчонки – пруд пруди. С чего это Вовка решила, что у него на нее планы? Может, и правда хочет поддержать. Как друг.

Она уже хотела отказаться, как под пианино что-то заворчалось, завибрировало, и она зажмурилась.

Адрес она напечатала не задумываясь.

Глава 6

Утка

Только вот сообщение отправляться не захотело. Рядом с текстом загорелся красный восклицательный знак, и, сколько Вовка ни нажимала «отправить еще раз», ничего не получалось.

А потом она заметила, что интернет исчез: значок в углу экрана перечеркнуло все тем же ярко-красным.

Вовка сбегала в коридор и перезагрузила роутер, но интернет не вернулся.

Тогда она выдохнула, залезла под пианино, выудила телефон и, не глядя, разблокировала. Читать сообщения от Неизвестного она больше не собиралась. Лучший способ отвадить идиота – не обращать внимания. Вот и Неизвестного она решила игнорировать.

Но и на телефоне сеть почему-то не работала. Сколько Вовка ни обновляла «ВКонтакте», новые сообщения не грузились. Вот ведь странно... Мобильный интернет – не Wi-Fi, должен работать во что бы то ни стало. Но и он почему-то отключился...

Да что же за напасть такая?

Было во всем этом и хорошее: если сеть не работает, то и сообщения от анонимного кретина проходить не будут.

Вовка еще пообновляла страничку, но ее адрес до Ильи, видимо, так и не дошел. Наверное, даже к лучшему – Вовка уже разочаровалась в своей трусости. Нечего здесь Илье делать, просто нечего. Вот как он ей поможет? Посидит рядышком и подержит за руку? Какой в этом толк? Дверь заперта крепко, никто сюда так запросто не проникнет. Вовка в безопасности, и думать нужно о возвращении родителей, только и всего.

Они вернутся утром. Все будет хорошо.

Вовка на всякий случай собрала тахту, спрятала постельное белье в ящик и легла, не раздеваясь и не смывая макияж. Если Илья все же получит адрес и решит приехать, Вовка встретит его во всеоружии. Никаких пижам и ночных косичек.

Но Илья не приехал.

Проснулась Вовка поздно. Электронные часы показывали полдень, ныла шея, затекла нога. Яшка приткнулся под колени и вылизывался. Ему до хозяйкиных тревог дела не было.

Вовка вскочила и бросилась в родительскую комнату. А может, они вернулись ночью и тихонько легли, решив ее не будить? Но спальня пустовала.

Тогда Вовка схватилась за телефон: ничего, кроме сообщений от Неизвестного, а их она решила не открывать. Сеть вернулась, и во «ВКонтакте» она обнаружила целых пять сообщений от Ильи.

Ты чего? Передумала?

Я не напрашиваюсь. Ты сама смотри.

Ну вот. Спугнул напором?) Я больше так не буду. Все. Больше не пишу.

Эй, у тебя там все хорошо? Надо было у тебя номер взять. Блин. Теперь буду думать, что тебя съел барабашка.

Ээээй.

Вовка поспешно удалила неотправленный адрес и тут же отписалась:

все ок. у меня интернет вылетел. на телефоне тоже. сейчас все работает. родители пока не приехали. буду думать.

Вовка распахнула шторы, и в лицо ударило солнце. Она никогда не спала до полудня, никогда! Но теперь даже собственное отражение в зеркале ванной не узнала. Тушь растеклась, волосы стояли дыбом, и взгляд был каким-то странным, не своим.

Не пиши больше Илье. Не стоит. Ты же не хочешь, чтобы с ним что-то случилось?

Вовка выронила телефон прямо на кафель и охнула. Только бы не разбила!

А может, лучше бы и разбить?..

Нет, только кусочек защитного стекла откололся, ерунда.

Между тем утреннее сообщение от Неизвестного отличалось от вчерашних. До этого он просто наводил глупого стра-

ха. Болтал какую-то ерунду и ни на что не намекал.

А вот сейчас он угрожал.

«Ты же не хочешь, чтобы с ним что-то случилось?..»

Да что он может сделать? Откуда ему знать Илью?

Из ванной Вовка видела, как солнце заливало кухню ярким, гладким светом, и линолеум сверкал, будто свежий ка-ток. За окном колыхала ветвями старая, колченогая ель с черной хвоей. По вечерам она навевала на Вовку тоску – такая мрачная, покусанная временем, нижние ветви давно сре-зали, и кажется, будто это не ствол, а обглоданная моркови-на. Но теперь, в утренних лучах все казалось прекрасным и безобидным, даже старая ель.

Не может Неизвестный пугать ее взаправду. Это просто розыгрыш.

Вовка тут же сбросила Илье свой номер, но, поддавшись какому-то непонятному суеверию, не добавила к цифрам ни слова. Как будто и не написала ничего.

А потом телефон вдруг зазвонил, и Вовка, уже вернувшаяся в ванную, выронила всю пачку ватных дисков в раковину.

– Да?

– Вовка, это ты?

Федя.

– Я.

И зачем он звонит с утра пораньше? Не так уж, конечно, сейчас и рано... Только все равно непонятно.

– Слушай, я тут подумал. Ты если с Лёлькой поцапалась, так это... – Федя чем-то зашуршал в трубке, словно чесал затылок. – Кароч, я тут подумал, чем я хуже Лёльки? Пошли там кофейку выпьем, что ли. За жизнь поболтаем. Давно не виделись.

Вовка зажмурилась. Ну вот, уж Федя-то к ней точно подкатывает. Еще не хватало! Федя, конечно, парень неплохой, только вот думать о нем Вовке совсем не хотелось. Тем более сегодня.

– Слушай, – эхом отозвалась Вовка. – Я не против, только сейчас я совсем зашиваюсь. Давай в следующий раз, а?

Федя на том конце провода как-то непонятно выдохнул.

– Ну... Ладно, окей, – быстро согласился он. – Ты мне позвони тогда, как посвободнее будешь? Ну или я могу.

– Я позвоню, – поспешно ответила Вовка. – Ну все, я побежала.

Вечно она в последнее время куда-то «бежит». Но не будет же она объяснять все свои непонятности брату лучшей подруги, с которым она и общаться-то никогда особо не общалась?

Втайне Вовка, конечно, надеялась на звонок от Ильи. Но вместо этого ее уже дожидался Неизвестный.

*Федю тоже не впутывай. Он хороший парень,
Лёле будет его не хватать.*

Сердце у Вовки заколотилось как бешеное. Да нет же, с этим нужно кончать! Она сейчас же пойдет в полицию и по-

кажет там все эти сообщения.

Но Неизвестный – это просто вишенка на торте. Она пока еще и с самим тортом не разобралась.

Уже привычным движением она позвонила сначала маме, потом папе. Затем открыла ноутбук и, стараясь ни о чем не думать, принялась искать телефоны.

Сначала – больниц. Всех-всех, до последней. Оказалось, что в городе их целая туча. Номера она копировала в документ, чтобы не запутаться. Обычно Вовка терпеть не могла порядок, но теперь от ровных строчек становилось спокойнее. Без них, казалось, Вовка непременно разревется.

Звонила она медленно, методично. С каждой новой больницей, где про Янковских ничего не знали, она приближалась к моменту, которого очень хотела избежать. Но больницы закончились, и пришлось создать новый документ. Нехотя Вовка озаглавила его «Морги». Их, правда, оказалось всего два, но один из них был какой-то странный, и его телефон не отвечал. Вовка решила, что он уже давно не работает – информацию о нем она нашла случайно, причем довольно старую, – так что вычеркнула его с легким сердцем. Потом она глубоко вздохнула и приписала в обоих документах новый раздел: «Энск». С ним оказалось проще и быстрее, но, справившись, Вовка поняла, что есть еще и населенные пункты на пути следования поезда. А вдруг родителям стало плохо в дороге? Их могли просто высадить и отправить в ближайшую больницу на месте. Вовка закусила губу и при-

писала еще один заголовок: «Другое».

К счастью, обзвон никаких новостей не принес. Янковских нигде не регистрировали, и Вовка выдохнула. Ну, хоть что-то хорошее.

Теперь в ее плане значилась полиция: все-таки придется пойти. Пока Вовка натягивала джинсы и меняла футболку на «уличную», снова забренчал телефон. Звонил Илья.

От круговерти сообщений и звонков – ожидаемых и не очень – Вовку уже немного мутило. Но голос Ильи она услышать хотела. Сначала поколебалась, но потом фыркнула: руки еще предательски дрожали, только вот верить анониму не хотелось. Сборы на улицу всегда заряжали энергией, вот и теперь Вовка чувствовала себя собранной и уверенной. У нее есть план. Она знает, что делает. Все будет хорошо.

– Привет. Ну как оно?

Вовка задержалась мимоходом, чтобы почесать Яшку, и перекинула через плечо сумку.

– В полицию иду.

– Ни слуху ни духу?

– Ага.

– Хочешь, я с тобой пойду?

Вовка задержалась на мгновение, оглядывая коридор: в углу сверкал заляпанный вареньем осколок, мамин плащ соскочил с крючка и осел беспомощной горкой на паркете, ее собственные кроссовки валялись, перевернутые, на коврике, грязные и все еще мокрые после вчерашнего дождя. На

глаза вдруг навернулись слезы.

А что она там скажет, в полиции?

Пока искала балетки, выдохнула в трубку:

– Хочу.

– Давай свой адрес.

Вовка ждала Илью, бродя вдоль подъездов и рассматривая прохожих. Еще дважды в кармане провибрировал телефон, но она даже смотреть не стала. Не нужно ей знать, о чем пишет Неизвестный.

Она завидовала малышам в шортиках, девчонкам на велосипедах, ребятам с пенопластовыми планерами. День выдался жаркий, и Вовка пожалела, что в городе негде выкупаться. Сейчас бы на речку, на озеро – нырнуть с мостков в блаженную прохладу, отплыть подальше, перевернуться и лежать на воде, рассматривая облака...

В конце дома аллею пересекали вкопанные прямо в склон ступеньки. Вели они к подземному переходу, и там всегда толкались пацаны с листовками. Один из них, одетый в пухлую поролоновую утку, прятался от жары в тени деревьев и протягивал свои рекламки прохожим, срезавшим по лесенке через аллею. Вовка хотела пройти мимо и, развернувшись у фонаря, зашагать обратно, но утка подковыляла поближе и протянула листок. Вовка уклонилась, даже не глядя, но утка загородила ей тропинку и все же всучила буклет.

Вовка осмотрелась в поисках урны, заметила ее у следующего подъезда и, пока шла, невольно пробежалась глазами

по строчкам.

«Летняя акция... Спешите!..»

«Всего одна встреча...»

«...чувство вины – в подарок!»

Вовка встала и прочитала листовку как следует.

«В любое время дня и ночи, за полцены – только сегодня! Всего одна встреча, и он уже в пути. Избавьтесь от родных и близких по специальной цене! Услуга “Пьяный водитель” – ГИБДД для нас не существует!»

Вовка обернулась, выискивая глазами поролоновую утку, но промоутера и след простыл. Несмотря на жгучее солнце, Вовку бросило в холодный пот. Захотелось поскорее избавиться от дрянного листка. Это шутка, конечно. И притом несмешная.

Она швырнула скомканную бумажку в мусорное ведро и припустила прочь.

– О, Вовка!

Навстречу ей шел Илья, бодрый, стремительный, высокий. Она пропустила вдох, а потом задышала быстрее, чтобы скрыть смущение. На крошечную секундочку Вовка забыла, куда они собрались.

– Ну что, ты как? – спросил он, заглядывая ей в глаза.

Сегодня он выглядел серьезнее, чем вчера, пусть и одет был в такую же светлую, беззаботную футболку. Вряд ли ту же – скорее всего, у него таких целый ящик. Слишком уж свежая, будто бы даже отглаженная. Да кто же футболки-то

гладит?.. И в школе он всегда был таким: одет с иголки, небрежно-просто, но так чисто и аккуратно, будто все эти комплекты ему кто-то готовил. Ну уж не мама – это ясно. Скорее, домработница. Судя по автомобилю его отца, который Вовка видела по субботам у школы, они себе и не такое могли позволить.

Не то что семья Вовки. С отцовским «бизнесом» дела шли средненько, и мама, разгребая по вечерам на кухонном столе бумаги, не уставала об этом повторять.

Вовка вымучила улыбку.

– Не знаю. Думать как-то не хочется.

– Ну и правильно. Все разрулится.

– Угу. Только вот в полицию мы все равно идем.

Они пересекли аллею и спустились по лестнице в прохладный зев перехода. Каблучки Вовкиных балеток гулко постукивали.

– Это для полноты картины. На всякий случай, – отозвался Илья.

– Бред какой-то, – качнула головой Вовка. – Поверить не могу, что я потеряла... родителей! Это где такое видано вообще? Тупые мамочки, у которых коляски уезжают, – это я понимаю. Или папки там, которые даже в песочнице умудряются своих посеять, – это тоже ясно. А дочь – и чтобы искала родителей?

– А может, они просто загуляли? – неловко предположил Илья. – Встретили каких-нибудь знакомых... Выпили как

следует.

Вовка чуть не прыснула.

– Ага. Мне чипсы покупать запрещают, а сами...

Она помрачнела. Нет, ее родители – это порядок и дисциплина. Они не умеют «загуливать». Они даже на Новый год шампанское не покупают. Говорят, что все это – «дрянь и химия» и лучше попить минералки. Те же пузырьки, но с пользой для пищеварения. Конечно, говорит такое в основном мама, а папа просто кивает: он не любит с ней спорить.

– Ты прости, если фигню какую-то сказал, – тут же осекся Илья, и Вовка заметила, как в желто-оранжевом свете перехода кончики его ушей потемнели. Неужели опять смутился?

Они выбрались наверх.

– Все нормально, – отозвалась Вовка.

Они проходили булочную, в окошке которой горел неоновый роголик. По воскресеньям мама покупала здесь кофе навынос. Вовка любила поваляться, да и папа по выходным вставал с трудом. А вот мама долго спать никогда не умела, зато любила, когда все завтракали вместе. Поэтому приносила кофе, а к нему – слойки. Если погода хорошая, то простые, с сахаром; если плохая, то, будто в компенсацию, поинтереснее – с абрикосовым или апельсиновым джемом.

– Ты чего? – покосился Илья.

Странно было делиться личными, сентиментальными историями. Воспоминание было такое родное, что казалось,

будто в словах оно непременно обесценится. Вовка поколебалась, но все-таки рассказала.

– Прямо каждое-каждое воскресенье? – улыбнулся Илья.

– Каждое-каждое.

– А если дела?

– Дела потом.

– Целая традиция.

– Ага.

Илья как-то сгорбился, и некоторое время они шли в молчании. Миновали аптеку, минимаркет и цветочный магазин, завернули в переулок, и порыв ветра принес целый вихрь тополиного пуха.

– А еще что-нибудь есть? – вдруг спросил Илья.

– Что? – не поняла Вовка.

– Ну, традиции. Как вот эта, с кофе.

Вовка задумалась. И зачем ему? Еще поднимет на смех.

Она ведь не должна нуждаться в родителях, ей почти восемнадцать. От всех этих рассказов она снова чувствовала себя ребенком, а так хотелось выглядеть независимой.

Вовка нехотя отозвалась:

– По пятницам обсуждаем, что хорошего случилось за неделю. За ужином.

– А плохое – не обсуждаете?

– Не-а. Папа говорит, ну его. Надо думать только о хорошем.

– А еще?

– Еще...

Вовка снова задумалась. Илья слушал внимательно и смеяться не думал. Он даже не улыбался. Кажется, и вправду заинтересовался.

– Каждое лето ездим в поход на Безрыбную, – вспомнила Вовка, но тут же осеклась: – Хотя в последний раз я отвертелась... Повезло. А в этом году не до этого. Да и вообще...

– Не любишь походы?

– Палатки терпеть не могу. Мошкара, шишки под ребрами, корни...

Она скривилась. Пусть не думает, что она таскается за родителями, как глупенькая собачка. У нее есть собственное мнение. И походы она ненавидит.

Хотя что бы она сейчас только не отдала за тот самый утренний запах влажного от росы спальника...

– И тушенку, наверное?

– Ага. Тоже не любишь?

– Не пробовал.

– Да ладно!

– Ага. Ну-ка, а еще что-нибудь? Расскажи.

– Вот привязался! – рассмеялась Вовка.

– Нет, правда, мне интересно, – мотнул головой Илья.

– Ладно, – сдалась Вовка, и припомнить стало легче. – Еще на Новый год мы ездим в лесничество под Нежинкой, берем елку.

– А почему не поставить искусственную? Далеко же ехать.

Еще тащить...

– А как же! Это же лесничество! Приходишь, там такие кабинеты деревянные, плесенью воняет, все старое, у мужиков во-о-от такие валенки, и нужно листок получить... Ты же сам сказал, традиция. Вот тебе и традиция.

– А еще?

Они обогнули ограду полицейского отделения. Ветер все нес тополиный пух, и если сощуриться, то казалось, будто метет буран.

– Да зачем тебе? – недоумевала Вовка.

– Так, – пожал плечами Илья. – Интересно. Тебя болтовней развлекаю.

– Моей собственной.

– Так правильно. Девчонки – мастера трепаться.

Он улыбнулся – косо, хитро. И Вовка тоже улыбнулась.

А вот в приемной беспечность рассеялась. В тесноватой комнатухе было душно, и от солнца, которое лилось через занавески дурного желтого цвета, начинало мутить. Помещение уже давно нуждалось в ремонте, под ногами хрустели куски бетона. За ободранным лаковым столом, развязно пожевывая жвачку и тыкая мясистым пальцем в планшет, возвышался дежурный.

– Куда, к кому? – он неохотно приподнял голову.

Жевал он с открытым ртом, громко и навязчиво.

– Мы хотим подать заявление о пропаже, – выступил вперед Илья.

Вовка его мысленно поблагодарила. Она и знать не знала, что нужно делать.

– Кто – «мы»? О пропаже кого? – флегматично поинтересовался дежурный.

– Не мы. Я, – тихонько влезла Вовка. – Пропали мои родители.

Дежурный глубоко вздохнул, как будто Вовка обвинила в пропаже его самого, и неторопливо отложил планшет.

– Заявление принесла?

Вовка удивилась:

– Так разве мы не у вас его должны написать?

– Ты еще скажи, что я тебе его продиктовать должен. Трое суток прошло?

Вовка снова заколебалась. Трое суток – с момента их отъезда или несостоявшегося приезда? Если первое, то с формальной точки зрения третьи сутки истекнут только к вечеру...

– Вы обязаны принять заявление сразу же, – вступился Илья. – Нет никаких «трех суток», это все ерунда.

– Ах, ерунда? – безразлично протянул дежурный. – Ну как скажешь.

Он снова потянулся к планшету и лениво завозил пальцем по экрану.

– Вы обязаны принять заявление. – Илья подступил поближе и навис над обколупанной столешницей.

Дежурный широко зевнул, даже не прикрывшись ладо-

нюю.

– Приходите завтра. С девяти до тринадцати. Сегодня уже поздно.

Вовка отчаялась, зато Илья не отступился.

– Будьте любезны ваши фамилию, имя и отчество.

Он вытащил мобильник и набрал какие-то цифры. Дежурный сощурился, пожевал губами, с видимым раздражением оттолкнул планшет, покопался в ящике и шлепнул на стол чистый листок.

– Пиши, – бросил он Вовке.

– А... А что писать?

Она заозиралась, но ручки не нашла. Стула для посетителей в крошечной приемной тоже не было. Как назло, снова завибрировал телефон, но Вовка о нем даже думать не хотела. Хорошо бы что-то и с шутником сделать, но перед толстым, равнодушным дежурным хотелось провалиться сквозь землю. От мутного желтого света перед глазами плясали круги.

Дежурный закатил глаза.

– В правом верхнем углу... Пиши... «Начальнику пятьдесят третьего отделения полиции...»

Вовка судорожно рылась в сумке – должна же у нее быть ручка! Но вместо нее, к немалому своему удивлению, Вовка отыскала зарядное устройство Светы. Но она ведь точно оставляла его у Феди на кухне, точнее некуда! И еще – словно это была какая-то насмешка – очередной жетон. Не

сумка, а черная дыра.

Илья толкнул ее локтем: протягивал свою ручку. Вовка выдохнула. Как хорошо, что они пошли вместе!

Неловко склонившись над низкой столешницей, то и дело управляя сумочку, которая норовила соскользнуть, и стараясь не слушать вибрацию сообщений в кармане, Вовка принялась писать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.